

16+

СТИМПАНК

Денис Пылев
МАСТЕР ВРЕМЕНИ.
ОФЕЛИЯ

ПРОЕКТ ДНЕВНИКИ ОНЛАЙН

Денис Пылев

Мастер времени. Офелия

«Автор»

2016

Пылев Д.

Мастер времени. Офелия / Д. Пылев — «Автор», 2016

ISBN 978-5-532-08399-8

Представьте себе, что гамлетовская Офелия не умерла в речных водах. Река, словно проводник меж миров, перенесла её в иное измерение. Представьте себе бессмертное существо, скитающееся по свету с одной целью - понять, кто она такая. Мир, в котором она проснулась, уже не тот, что раньше. Это мир пара и механизмов, древних богов и чудовищ, что неприкаянными слоняются, забыв, кто они и откуда. Словно магнит, она притягивает к себе потусторонних существ, чувствующих в ней родственную душу. На её пути встречаются и люди. Часто в её приключениях мелькают Шерлок Холмс, Никола Тесла и Дракула.

ISBN 978-5-532-08399-8

© Пылев Д., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Мастер времени	6
Мастер Времени. Офелия	10
Офелия и дом ламий	14
Волны памяти	19
Реки времени	21
Ночной полет	26
Механический ангел	30
Новая глава	34
Темное желание	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Денис Пылев
Мастер времени. Офелия

Права на обложку принадлежат проекту Дневники.Онлайн

Мастер времени

На вокзале Эссерта с самого утра царил суеда. Едва сквозь стеклянную крышу вокзала, построенного легендарным сэром Чарльзом Вайтенгом, проглянули несмелые лучи солнца, жизнь, замершая с отбытием на континент последнего паротяга, вновь закипела. Сквозь топот ног, тяжелое дыхание паровых котлов, крики носильщиков и резкие оклики свистков доносились голоса мальчишек – разносчиков утренней «Seasons». Через полчаса должен был отправляться «Длинный Хаксли», один из старейших в Альбионе паротягов, но всё еще надежный и точный. Впрочем, кто-то говорил, что точность зависит от машиниста, но многие истово верили, что в котле железного трудяги живёт душа. Иначе, обычно говорили они, как объяснить, что каждому из них присваивалось официальное имя, чего ни с зонтами, ни с чемоданами не происходило. Суеверные перед отправлением слушали звуки свистка, чтобы определить, в каком настроении сегодня находится тот или иной паротяг. Некоторые жители Лондиниума считали, что появление часов и открытие силы пара – величайшее событие в Империи. Впрочем, Протестантская Королевская Церковь на этот счёт никаких заявлений так и не сделала, несмотря на все попытки журналистов втянуть её в эту дискуссию.

Служащий перрона, Адам Треворроу, с утра уже получил нагоняй от бригадира за трёхминутное опоздание и находился в унынии. Его форменный кепи с кокардой эссертского отделения железнодорожного Департамента, обычно лихо сдвинутый на затылок, сейчас был надвинут почти на глаза, словно говоря, что его хозяин хочет побыть со своими горестями наедине. Пять минут спустя в динамике раздался голос Эмили Пэнкхорст из диспетчерского отделения, за которой он ухаживал уже несколько месяцев, объявлявшей о начале посадки на «Старину Тома». Этот пассажирский паротяг, работавший на маршруте Лондиниум – Виенна, считался одним из самых надёжных, быстрых и дорогих. Его вагоны, отделанные красным левантским дубом, начищенной до блеска медью и гобеленами из лучших пеншаурских тканей, были лучшим, что мог предложить требовательным пассажирам Департамент. Поэтому заплатить десять гиней за купе в люкс-вагоне могли далеко не все жители столицы. Однако ни разу еще «Старина Том» не отправлялся в дорогу полупустой.

И когда на перроне стали появляться самые нетерпеливые пассажиры, Адам вздохнул и передвинул кепи на затылок, явив миру своё широкое веснушчатое лицо. Несколько деловых господ с Дорз-стрит уже с нетерпением ожидали посадки, скупив свежие газеты.

«Ишь ты, важничают, – про себя подумал Треворроу, не любивший снобов, не замечающих вокруг себя никого менее значимого по их представлениям. Они никогда не здоровались с ним, брезгливо оглядывая, словно боялись испачкаться, хотя его форма всегда была безупречна, а лицо всегда до синевы выбрито. На счастье, сегодня их было немного и испорченное настроение Адама вновь улучшилось. К тому же он попадал сегодня в пересменку с Эмилией, а значит, сможет перекинуться с ней парой слов. Он так задумался о том, что скажет ей, что чуть не пропустил одинокого пассажира с двумя клетчатými саквояжами, отделанными кожей кроков из далёкой колонии Хиндустан, расположенной где-то на самой окраине Империи. Пассажир был немолод, безукоризненно одет, но одна деталь меняла многое. На его цилиндре были приделаны огромные механические очки с многократным увеличением и символ Министерства времени.

– Мастер Времени, сэр, – чуть запинаясь, произнес ошеломленный Адам. – Добро пожаловать на борт «Старины Тома». Я помогу Вам разместиться со всеми удобствами.

– Благодарю вас, молодой человек, – спокойным тихим голосом произнес один из самых известных после королевы людей в империи и, пожалуй, еще этого сыщика с Бейкертон-стрит.

Он протянул билет. – Вещей со мной немного, как видите, но путь я проделал неблизкий, хотелось бы уже устроить это старое тело поудобнее.

– Сию же минуту, сэр, – Адам взял билет со всем пиететом, словно его протягивала сама королева и, мельком взглянув на номер купе, подхватил чемоданы. – Прошу следовать за мной, Мастер.

Внутри вагона пространство делилось на шесть отдельных «кают», как называл их служивший раньше в Королевском флоте Эндрю Ллойд, которые (в зависимости от билета) делились на две или три отдельные комнаты. Определить спутников было нельзя, Департамент никому не давал подобную информацию, поэтому с некоторого времени такие путешествия стали пользоваться популярностью у аристократов и нуворишей. До Адама даже дошло название этой забавы – свидание вслепую.

Билет у Мастера времени был в третье купе, двухместный номер, самый дорогой из всех – пятнадцать гиней. Показав, как устроен номер путешественника и пожелав хорошего пути, Адам вышел на перрон. Всё еще не веря в то, что самолично обслуживал такую известную личность, он потрясенно чесал затылок, улыбаясь во весь рот, что было строжайше запрещено по инструкции. Наконец-то ему будет чем похвастать перед коллегами во время ланча.

Раздался свисток «Старины Тома», означающий пятнадцатиминутную готовность к отправлению. Машинист уже разводил пары, пробуждая паровую душу «Тома», и из-под паротяга во все стороны расходились облака тумана. Второй свисток будет значить пятиминутную готовность и окончание посадки пассажиров. После второго свистка в вагон никто не сядет, пусть он хоть принц крови. Адам взглянул на хроно, а когда поднял голову, увидел, как к его вагону в облаке пара идет молодая леди в дорожном платье, неся небольшой чемодан. До второго свистка оставалось менее двух минут, и Адам бросился к ней навстречу. Она, увидев его форменный сюртук, облегченно вздохнула, устало улыбаясь:

– О, благодарю вас, молодой человек. Не знаю, что бы я без вас делала. Этот монстр весит, кажется, целую тонну!

– Миледи, нужно было взять носильщика у касс, – учтиво произнес Адам, стараясь не показывать, насколько ему приятна её похвала. Тем временем пассажирка из рукава достала изрядно помятый билет:

– Надеюсь, я не опоздала и это – старина «Том»?

– Всё верно. Вы успели в самый последний момент, леди. Вот сейчас раздастся второй свисток и Вас бы уже не пустили в вагон.

– Тогда хорошо, что этого не случилось, – её улыбка ослепляла, и в какой-то миг Адам понял, что скалится как мальчишка. Подав пассажирке руку, он сопроводил её внутрь вагона и только тогда взглянул на номер места. Купе номер три. Уф! Поездка обещала стать небезынтересной.

В гостевой части купе за столом сидел Мастер Времени, перед ним были разложены запчасти какого-то механизма. А на голове надеты те забавные очки, которые в первую очередь заметил Адам на перроне:

– К Вам попутчица, сэр, – произнес Адам, пропуская вперед себя леди. Мастер резко поднялся, оставив инструмент, и поприветствовал вошедшую безукоризненным наклоном головы: – Миледи.

Уложив чемодан леди в её отделение, Адам вышел на перрон, и в этот миг машинист дал третий, самый протяжный свисток, означавший, что до отбытия поезда оставалась одна минута. Ему оставалось лишь убрать поручни и закрыть дверь вагона, что он и проделал автоматически. Дальнейшее путешествие требовало от Адама роли мальчишка на побегушках, если можно было так выразиться: требовалось следить за паровой установкой в вагоне, спрашивать о нуждах пассажиров, а так же убирать в комнатах и коридоре вагона.

Вечером, когда электрические лампы сделали полумрак вагона чуточку уютнее, из своей комнаты в гостевую вышла его пассажирка. Она была одета по последней моде – в жакет с кармашками и длинную юбку с длинным разрезом до середины левого бедра, который скорее выставлял напоказ, чем скрывал кобуру с дамским «ремингтоном» 38 калибра.

– Позвольте посидеть с вами, Мастер?

– Желание леди – закон для джентльмена, – улыбнулся он в ответ.

Она уселась в кресло напротив стола, уютно устроившись, и первое время просто смотрела на мелькающие вдали огни станций и полустанков. Иногда с приветственным криком мимо пролетал другой паротяг, и тогда старина «Том» в ответ гудел, вызывая неизменную улыбку у Мастера.

– Могу ли я поинтересоваться, – нарушила молчание нежданная попутчица, – почему вас называют Мастером Времени?

– Всё это людские предрассудки, леди...

– Леди Офелия, – приятно улыбнулась соседка Мастера.

– Однако ваш батюшка был большим оригиналом, да простится мне подобная дерзость, – Мастер первый раз за вечер посмотрел в глаза своей соседке. На него смотрели внимательные карие глаза, но в них чудилось что-то двойственное, Мастеру трудно было подобрать сравнение. Ведь ни в одни женские глаза он не смотрел так долго. Казалось ли ему это чем-то постыдным? Он и сам этого не знал, но в сей миг сам взгляд в глубины её души показался ему чем-то несдержанным, первобытным, сродни древнему таинству друидов, чьими потомками считали себя гордые бритты.

Встряхнувшись, он обнаружил, что прошло несколько минут, хотя ему они показались всего лишь мгновениями:

– О, простите мне мою навязчивость, юная Офелия. Старик совсем растерял приличия.

– Не надо просить прощения, Мастер, – голос Офелии внезапно показался ему на пару тонов ниже, а в лице попутчицы мелькнули хищные нотки, то ли скулы заострились, то ли запали глаза. Но всё это он списал на игру теней. Потому что спустя еще один миг лицо Офелии приобрело прежнюю миловидность. – Мы все когда-нибудь подходим к пределу своих возможностей. И нет ничего стыдного в том, чтобы признать это.

– Не уверен, что понял течение ваших мыслей, юная леди, – смутился Мастер.

– Я могу ответить вопросом? – спросила в ответ Офелия и, получив утвердительный кивок растерянного Мастера, продолжила. – Почему вас называют Мастером? Разве время ломается и нуждается в ремонте?

– Ну, в этом я смогу вам помочь, леди Офелия. Я являюсь главным часовщиком королевской семьи и лордом-хранителем времени. Я двигаю стрелки истории, если вам будет угодно. От часов в нашей жизни зависит так многое. И я часто напоминаю людям, что время бесценно. Его должно тратить с умом.

– Ведь вечность проходит так быстро, – подхватила Офелия. – А ваши глаза бесстрастно глядят в мир сквозь увеличительные стёкла, Мастер. А ваши натруженные руки вдыхают в часы душу, совсем как в паротяги.

– Вы тоже верите, что у паротягов есть душа? – засмеялся Мастер. – Но это же очевидный бред. Душа есть только у людей, у живых существ.

– А если существо, как вы сказали, мертво, оно не является человеком?

– Конечно! Ведь это же так очевидно, – всплеснул руками Мастер, с долей превосходства глядя на юную попутчицу. Она же тем временем поднялась из своего кресла и одним плавным движением вдруг оказалась у его стула.

– А хотите пари, Мастер? Я уверена, что все часы таят в себе погрешность. Вот и в вашей теории есть место для ошибки. Если я вам докажу свою правоту, вы подарите мне одни из своих знаменитых часов.

– А если выиграю я? – улыбнулся Мастер, пылкая уверенность его попутчицы была именно тем, чего он уже давным-давно не встречал. Вся его жизнь была подчинена точному ходу бесстрастного времени.

– Тогда..., – Офелия на миг задумалась, но Мастер с улыбкой вдруг коснулся её руки:

– Тогда вы подарите мне свой портрет, юная леди.

– По рукам, – звонко засмеялась она и вдруг оказалась совсем рядом, так, что их лица почти соприкасались. Затем отстранилась, взяла руку Мастера и неожиданно положила на свою грудь.

– Ч-что вы делае..., – неожиданно Мастер побледнел, хотел вырвать руку, но Офелия держала ее с неженской силой. – Вы, вы..., – лепетал он, словно мальчишка.

– Тсс, – приложила она к его губам палец, – слушайте.

Но слушать было нечего. Это Мастер понял почти сразу. Бледная, словно латинский мрамор грудь не вздымалась. И привычное «тух-тух-тух» не стучало под его вдруг вспотевшей рукой:

– Как такое возможно?! Это не....

– Неправильно? Я знаю. Я живу неправильно, нарушая все законы – людские, природные и Божьи, вот уже четыреста лет. И проживу, наверное, еще столько же. Во мне как в паротяге, вопреки здравому смыслу, теплится душа. А это значит, что я выиграла наше маленькое пари. С вас, Мастер, часы.

Дрожащими руками часовщик раскрыл свой саквояж и, порывшись, извлёк изящные карманные хроно, украшенные его собственной монограммой.

– Это самый точный механизм во всей Империи, леди Офелия. Носите его всегда с собой, и, может быть, следующие четыреста лет покажутся вам не столь долгими.

– Я запомню ваши слова, Мастер, – сказала она и, приложив к губам ладонь, подула ему в лицо. Едва прохладное дыхание коснулось его кожи, сознание Мастера Времени померкло.

Придя в себя через некоторое время, он увидел опустевшее купе его попутчицы. Он выскочил в коридор и, столкнувшись с Адамом, спросил, куда делась леди, ехавшая с ним в одном купе. На что проводник ответил смущённой улыбкой и вытащил из-за пазухи маленький портрет в серебряной рамке, с обратной стороны которого старинными чернилами было выведено: «Аркадия» 1486.

Рассказ навеян песней группы Silvercast – «Часы идут».

Мастер Времени. Офелия

Паротяг, выпустив очередное облако пара, зашипел как рассерженная кобра и с трудом, казалось бы, тронулся с места. Поршни замелькали всё быстрее, будто сбрасывая полуночную дрему, и «Бродяга Дживс» стал набирать скорость. Офелия с лёгкой улыбкой смотрела ему вслед, словно провожая старого друга, встреча с которым была радостной, а расставание неизбежным. Достав из специального кармашка на поясе миниатюрные хроно, она с удовольствием провела пальцами по изящным обводам и линиям гравировки. Полвторого ночи. Убрав хроно, Офелия поправила висящий на плече громоздкий кофр и посмотрела на неизменный саквояж, сопровождавший её в пути уже не первый год. Есть вещи в мире, что кажутся неизменными, и их утрату ни с чем нельзя сравнить. Как будто полевой хирург, походя и влив в вас крепкого бренди, оттяпал ногу или руку.

Затерянная на просторах старушки Европы станция Каппель встречала Офелию полным отсутствием людей. Обычно на вокзалах, даже небольших, творилось сущее вавилонское столпотворение: провожающие и встречающие, носильщики и кондукторы, полисмены и просто зеваки. Всех этих людей затягивало в водоворот человеческих тел, непроизвольно смешивающего их в зависимости от прибытия того или иного паротяга. Здесь было не так. Первое, что бросилось в глаза – запустение. словно с приходом ночи люди попрятались, и даже прибытие «Бродяги Дживса» не выманило их из здания вокзала. Пожав плечами, она подняла саквояж и отправилась искать кэбмена.

Но и внутри вокзала её ждала неудача. Людей не было. В конце концов, ей всё это надоело. Офелия поставила саквояж на пол, аккуратно пристроила сверху кофр и отправилась на поиск живых. Внутри помещения её шагам вторило лёгкое эхо, что только подчёркивало заброшенность этого места. Но особой пыли не было, да и цветы в кадках были политы и не пожухли, всеми забытые. Значит, люди здесь были. По крайней мере, днём. Офелия решила на последнее средство:

– Эй, отзовитесь! Кто-нибудь!

Никого. Но в последующей за её призывом тишине она отчётливо услышала скрип, словно кто-то сначала приоткрыл дверь, но тут же поспешно её закрыл. Звук раздавался со второго этажа, на котором по обыкновению располагались кабинет начальника станции, диспетчерская и другие служебные помещения. Наверх вела кованая лестница с мастерски выкованными бронзовыми фигурками волков. «Мило, – подумала про себя Офелия. – Особенно если учесть, что вокруг раскинулся Шварцвальдский лес, известный своей жуткой репутацией во всём цивилизованном мире».

Осторожно ступая, она поднялась наверх. Снова раздался скрип, и Офелия против воли достала из набедренной кобуры свой верный «ремингтон». Взвевая курок, она сразу почувствовала себя уверенней. Коридор был тёмный, словно лампы на втором этаже отказались работать. Или были обесточены. Достаточно модное увлечение электричеством, этим детищем эксцентричного Николы, привело к тому, что его генераторы переменного тока буквально наводнили Старый Свет. Но Офелия находила это весьма полезным изобретением, возможно, даже более значимым, чем сила пара. Она однажды встречалась с изобретателем и была приятно поражена его кипучей энергией. И той легкостью, с которой он рождал идеи. Тот мир чистых идей, о котором он поведал ей, бесконечно манил его сознание, уплывавшее в него, иногда даже во время беседы с ней. Он считал, что наш мир есть небрежная копия того, истинного мира, в котором всё находится в идеальном равновесии. Он мог говорить об этом бесконечно.

Но сейчас Офелия вспомнила Николу не из-за электричества. В разговоре с ним она как-то упомянула сверхъестественных существ и поразилась той перемене, что произошла с изоб-

ретателем. Кипучий разум, требующий во всем исключительного порядка, в котором, казалось, не могло быть места ни суевериям, ни религии, вдруг забуксовал. Он под большим секретом поведал ей о голосах, что иногда раздавались в его сознании. О видениях, виденных им в горячке во время холеры. Это было той стороной, куда пока не дотянулся его неистовый дар. Он сказал ей тогда: «Наш мир намного более сложная конструкция, чем принято считать. И Создатель поместил в него множество разных деталей. И ни одна из них не может быть лишней. Жаль, что церковь свела всё к обычной дуалистике Добра и Зла. Есть то, что мы пока не можем объяснить, но это лишь пока». Поэтому его прощальный подарок, тяжёлый замшевый несессер, внутри которого покоились десять пуль для её револьвера, отлитые из серебра самим Николой, сейчас покоился в её саквояже.

Офелия как раз подумывала о том, чтобы спуститься за ним, когда тонкое лезвие света прорезало мрак в конце коридора. И, словно напуганное своей дерзостью, тут же растаяло. Ничего не оставалось, как двигаться вперёд. Осторожно делая каждый шаг, она будто бы окунулась в ночное море, растворяясь во мраке. Но, в отличие от моря, коридор был коротким, и вот уже под её рукой оказалась дверная рукоять. Офелия выдохнула и резко распахнула дверь. Свет единственной лампы выхватил в небольшом помещении несколько человеческих фигур, парализованных страхом. Все они были одеты в форму служащих железных путей. Трое мужчин и две женщины. Одна из них, в одежде прислуги, находилась на грани обморока. У мужчин в руках были разные тяжёлые предметы, но нет огнестрельного или паромётного оружия. И всех их сковывает даже не страх – ужас.

– Я – человек, – Офелия шагнула вперёд, демонстрируя открытые ладони, предварительно убрав пистолет. – Что здесь произошло?!

Вперёд вышел высокий, нестарый еще мужчина в форме начальника станции. Лицо с крупными чертами, характерными для алеманов, покрылось бисеринками пота и явно не от духоты. В руке он комкал носовой платок, которым периодически вытирал лицо и шею.

– Вы... Вы приехали на паротяге? – чуть запинаясь, начал он.

– Да. А что?

– И Вы одна, миледи?

– Да. Но я не понимаю сути ваших расспросов, господин...?

– Каспар Рутеншафт. Начальник станции, – он обвёл комнату нервным дёрганым жестом. – А это мои подчинённые. Вернее, все, кто остался в живых.

– На вас напали, господин Каспар?

– О да!

Всё в этом возгласе указывало на пережитый взрослым мужчиной ужас. Офелия поняла, что начальник станции едва сдерживает рвущуюся из глубины разума панику. Еще немного и все эти люди ударятся в истерику. Что-то напугало их до смерти.

– Расскажите мне, что произошло, господин Каспар, – тихим, уверенным голосом произнесла она, прикрывая дверь.

– Никто не поверит мне, если я расскажу то, что видели мои глаза, – начал заламывать руки взрослый мужчина. Но Офелия не дала разыгаться истерике, молча подойдя и влепив мужчине, на голову выше её, пощёчину. Голова начальника станции мотнулась в сторону, но из глаз ушёл безумный блеск. Они приняли осмысленное выражение.

– Спасибо, миледи, – уже нормальным тоном произнёс он. – Видимо, это было мне необходимо.

– Продолжайте, господин Каспар, – мягким тоном продолжила Офелия.

– Да. Так вот, вчера днём я, как обычно, заступил на смену. Со мной на дежурстве было шесть человек. Станция у нас маленькая, паротяги проходят транзитом, большая часть. И вот вчера вечером я как раз отпустил Карла поужинать, когда мы все услышали жуткий вой.

Вообще-то дело заурядное, всё же Шварцвальд вокруг. Волки иногда выходят из чащи, но к станции и близко не подходили ни разу.

Все в комнате дружно закивали, поддерживая рассказчика. Женщины немного успокоились, мужчины, чувствуя уверенность незнакомки, тоже взяли себя в руки. Каспар Рутеншафт тем временем продолжил:

– Но в тот раз вой был какой-то неправильный, – начальник станции наморщил лоб. – Да, будто бы не волк был, а человек.

Видя непонимание на лице Офелии, он добавил:

– Мы все местные и уж, поверьте, миледи, волков за свою жизнь наслушались. Но это был не волк, точно Вам говорю. Только что отправился грузовой «Скорород» и пассажиров на станции не было. До города обычно мы добираемся на повозке или двуколке. А в самом Гроссес Тале есть и паровые кэбы. Так вот, Маркус, это наш обходчик, отправился на очередной обход, и мы занялись своими делами, как вдруг услышали душераздирающий крик. А следом, – тут рассказчика передёрнуло от пережитого, – тот жуткий вой. Хейно и Эдрич бросились к нему на помощь. Я выскочил следом на перрон и увидел, – тут он снова прервался, переживая про себя увиденное и, собравшись с силами, продолжил, – как по рельсам в мою сторону бежит Хейно, крича что-то, но я не расслышал. И тут за ним словно из-под земли появилась эта тварь. Она в два прыжка догнала несчастного и просто разорвала его на части. А я... Я убежал и собрал всех здесь. Господь всемогущий! – нервы господина Рутеншафта не выдержали и он, закрыв лицо руками, стал раскачиваться из стороны в сторону.

– Господин Каспар, – произнесла Офелия, – вы ничем не смогли бы ему помочь. Поверьте мне. Но вы спаслись сами и спасли остальных. Это сейчас самое главное. Но вспомните, пожалуйста, что происходило дальше.

– Дальше, – заговорил один из мужчин, – это чудище ходило вокруг станции. Вынюхивало нас или просто забавлялось, не знаем. Мы слышали, как оно рычало, трещало ветками, но не уходило. И оно сейчас где-то там. И мы, поверьте, миледи, приняли в первые мгновения Вас за него.

Внезапно наступившую паузу в разговоре заполнил леденящий душу вой. Такого звука Офелии еще не приходилось слышать за всю свою долгую жизнь. Что-то противоестественное звучало в нём. Какая-то нота жестокости, которая не характерна простым волкам. Те просто охотники, выполняющие вложенную Создателем задачу. Но это определённо был не волк. Жажда убийства, причинения страданий слышалось в этом «голосе». Люди в комнате сбились в кучу, ища поддержки друг у друга, но Офелии не было места в этом спасительном круге. Она уже выскочила в коридор, слыша, как за спиной щёлкнул замок, закрывающий дверь. «Ремингтон» уже обосновался в её ладони, когда она подошла к лестнице.

Внизу слышалось сопение и тяжёлые шлепки лап по мраморному полу. Видимо, тварь вошла в открытую ею дверь станции. Стараясь не издавать звуков, Офелия сделала несколько шагов и, достигнув перил, осторожно выглянула. Внизу она сразу увидела существо из худших кошмаров – похожее на вставшего на дыбы волка, но с непропорционально большой лобастой головой. Длинные передние лапы оканчивались изогнутыми когтями, способными, на первый взгляд, разорвать лошадь надвое. Волчьи же уши вертикально торчали, ловя малейшие звуки, ноздри раздувались, вдыхая непривычные чудовищу запахи. Тут Офелия поняла, почему зверь до сих пор не нашёл оставшихся. Их запах перебивался запахами паротягов, технической смазки и прочего. Если бы ни они, её бы здесь встречала кровавая баня.

Офелия взвела курок. Звук моментально привлёк внимание неизвестной твари, она молниеносно развернулась, распахивая, казалось, бездонную пасть и завывала. А затем огромными скачками бросилась к лестнице. Но едва ее лапа коснулась первой ступени, как раздался выстрел, громом отразившийся от стен. Пуля ударила зверя в грудь и отбросила назад. Охотничий вой сменился визгом. Тварь рухнула на пол, суча лапами. Но стоило Офелии сделать

еще пару шагов, как она снова была на ногах. Рык, изданный зверем, казалось, заставил здание пошатнуться. Но женщину, шедшую ему навстречу, это не остановило. Она спокойно, будто в тире, подняла руки, в которых был сжат револьвер и начала всаживать одну пулю за другой в широкую грудь зверя. Каждый выстрел отбрасывал зверя назад, вырывая из его шкуры кровавые фонтаны. Последняя пуля отбросила чудовище за двери, с треском разлетевшиеся под его весом. Нужно было перезарядить оружие. А еще лучше – добраться до кофра, но Офелия понимала, как мало у неё времени. Пули из её «ремингтона» остановили бы и носорога, но лесную тварь они только отбрасывали. Это противоречило всем законам – Божественным и научным.

Тем временем за разбитыми дверями начала копошиться лесная тварь и Офелия, растегнувшая молнию саквояжа, понимала, что опаздывает. Запасные обоймы лежали на самом дне, так как сюда она ехала не на охоту. Просто так вышло, что путешествовать она привыкла вооружённая. После Гуситских войн и нашествий «валленштайновой саранчи» оружие лишним никогда не бывало. Рука её наткнулась на подарок Николы, замшевый несессер и, подхватив его, Офелия со всех ног бросилась к лестнице. Уже на середине лестницы её настиг звук вырванных из петель дверей и полный запредельной ярости рёв.

Не оборачиваясь, она отщёлкнула барабан револьвера, высыпав гильзы на ступени лестницы и, на бегу распахнув футляр, захватила несколько ярко блестящих в неверном свете пуль. Руки тряслись, и первая пуля выпала. Но вторая точно легла в отведённое ей ложе. За ней последовала третья. Четвёртая. Muskusный запах зверя стал сильнее. А его дыхание коснулось её затылка. Взвизгнув, Офелия рухнула на колени, и только поэтому лапа зверя пронеслась над её головой, вырвав изрядный кусок декора стены. Чудище снова взвыло, предчувствуя радость от скорого убийства, до которого оставался последний шаг, и в этот миг ударил первый выстрел. Серебристая молния ударила зверя в шею, вторая – в грудь. А третья отбросила на перила, которые под его весом проломились, и он с коротким воем упал.

Шатаясь от пережитого страха, Офелия шагнула вперёд. Осторожно опираясь на искорверканые перила, взглянула вниз. На полу, раскинувшись совсем не по-звериному, лежало чудовище, под которым быстро растекалась огромная лужа крови. Но вот зверь шевельнулся, и если бы сердце Офелии билось, сейчас бы оно ушло в пятки. Дрожащей рукой она подняла револьвер, однако больше зверь не подавал признаков жизни. Да... Теперь он начал меняться. С треском вставали на место кости, вытягивались сухожилия, сокращались мышцы. И вот уже на полу вокзала лежит обнажённый мужчина, заросший густой бородой. На теле его маленькими кратерами были отмечены попадания серебряных пуль Николы.

Сзади раздался звук открываемой двери и робкие шаги. Офелия даже не обернулась, чтобы взглянуть на выходивших из ненадёжного укрытия людей. Все уставились на лежащего внизу мужчину:

– Знаете его? – спросила Офелия, переводя дух. Но в ответ получила только отрицательные мотания головами.

– Никогда раньше не встречали, – ответил за всех Каспар Рутеншафт, – он неместный.

– Хорошо, – сказала Офелия, пряча револьвер в кобуру на бедре. – А теперь неплохо было бы отведать вашего знаменитого бренди. Говорят, он дарит долголетие.

Офелия и дом ламий

Осенью Офелию часто одолевали грустные мысли. С чем это было связано, она не знала, но глядя на небо, атакованное беспорядочными ордами туч, всегда предавалась унынию. Вот и сегодня, завернувшись в плед, она грела ладони о кружку глинтвейна и смотрела в истекающее слезами окно. Лондиниум, как и раньше, встретил её моросью, но она уже перестала это замечать. Каждый приезд в этот город ассоциировался у неё с дождём. Эдакий менуэт из капель влаги и облаков пара.

Комната для размышлений, как она её называла, выходила единственным окном на парк. И сейчас, удобно расположившись на широком подоконнике, Офелия смотрела на проносящиеся паровые кэбы, вездесущие хобби-хорзы¹ и царственно парящий в небе дирижабль. Тяга людей к небу воплотилась в этих неуклюжих, словно гиппопотамы, конструкциях. Они, а не птицы, теперь царили в небе, осваивая пятый океан.

Ей нравились эти изменения. Ей нравилось летать, нравилось мчаться на паротяге, глядя на проносящиеся мимо места, явления, лица. Даже спустя четыреста лет Офелия не растеряла вкус к жизни. Ей нравилось открывать мир заново каждый раз, когда он менялся. Открытие Нового Света, Возрождение, Реформация и Революция. Она пережила их все. И каждое событие наложило на неё свой отпечаток. Оставило свой след в душе. Может, поэтому ей не сиделось на одном месте, словно злой рок гнал её вперёд. И уже в этой гонке она поставила себе цель – искать тех, кто (как и она) бродит неприкаянными тенями по Земле, неся бремя бессмертия или долголетия.

Она сама не знала, бессмертна ли она! Её небьющееся сердце ничего не доказывало. И в первую очередь – ей самой. Мало было вещей в этом мире, способных её напугать, особенно после безумия и смерти. Она часто проклинала Гамлета, пока боль не сошла до комариного писка. А затем и вовсе прошла, затаившись где-то в дальних закоулках её сознания. Офелия повела плечами и сделала глоток глинтвейна, горячей волной пронесшегося по пищеводу и огненным шаром скатившегося в желудок. Она улыбнулась и, откинув голову, прикрыла глаза:

– Моя госпожа, – шептал её спутник Костин, – лучше бы мы остались на ночлег в нормальном месте.

– А чем это тебя не устраивает?! – возвращаться обратно по горной дороге в надвигающихся сумерках не было никакого желания. И поэтому она упрямо шла к перевалу Змоликас, покинув тёплый номер в гостинице провинциальной Самарины, расположившейся у подножия Эпирских гор². Июньский дождь был прохладным, а пронесшийся пару дней назад циклон понизил температуру до рекордно низкой для этой местности.

– До перевала еще несколько лиг и, как я слышал, места эти не слишком приветливы, – говоря это, Костин (молодой валах, незнамо как попавший в Грецию) беспокойно вертел головой.

– Неужто?! – позволила себе усмехнуться Офелия, неся свои вещи сама из чистого упрямства. – Мне кажется, тебе просто не поднесли сливовицы. Или это была бехеровка?

Костин буркнул в ответ что-то неразборчивое, но хмуриться не перестал. На перевале, по словам владельца гостиницы, располагался постоялый двор, которым владела вдова Дафния Ипиротис, пришедшая в эти места много лет назад. С ней жили её дочери, которые со слов того же хозяина гостиницы вели жутко замкнутый образ жизни. Но дурная слава этих мест не достигала ушей туристов, в великом множестве бросившихся открывать для себя прародину

¹ Одно из первых названий велосипеда, утвердившееся в английском языке с 1818 года.

² Северо-Западная Греция.

европейской цивилизации. Конечно же, после того, как османы спустя годы долгой борьбы вернули грекам независимость.

Проделав изрядный путь на паротяге до станции Самарины, Офелии не терпелось размять ноги. И поэтому, не останавливаясь в гостинице, она сразу же устремилась к перевалу, взяв в качестве проводника молодого валаха. Её рыжие волосы растрепались из-за дыхания игривого ветра, который с каждой пройденной сотней шагов становился сильнее. Походные ботинки помогали на горной дороге, не скользя на россыпях камней, в великом множестве встречающихся на том или ином участке пути. Саквояж легко превращался в небольшой заплечный мешок, сейчас уютно устроившийся на её плечах. Правда, с длинным кофром пришлось изрядно повозиться, пока, наконец, он не занял приемлемую позицию и не путался в ногах. Предложить помощь даме Костин не догадался и Офелия, усмехнувшись про себя, двинулась в путь. Ей было не привыкать.

Любуясь местными красотами и наслаждаясь чистотой воздуха, которой в городах уже стало не хватать, она не заметила, как вышла на небольшую площадку, с которой открывался вид на лежащий в паре лиг постоялый двор. Больше всего он напоминал гнездо ласточки, только двухэтажное, прилепившееся под самой крышей дома, вроде хлипко и неказисто, а поди, оторви!

– Веселей, Костин! – окликнула она проводника, – Скоро отдохнём! Как знать, может, у них и сливянка припасена.

Но эта легкомысленная бравада не вернула душевное равновесие молодому провожатому и, как подозревала сама Офелия, его рядом с ней до сих пор держал только выданный ею аванс. Спустя час (по внутренним ощущениям путешественницы) они вышли на уже утоптанную дорожку, всё той же змеей извивающейся среди камней. И, словно разбойник, двор вынырнул из-за очередного валуна. Издав возглас радости, Офелия устремилась к дверям, бросив прощальный взгляд на садившееся за левым плечом солнце.

Вышедшая навстречу гостям хозяйка поразила своей красотой. Как если Афродита Пенорожденная явилась бы смертным, вдохновляя их на свершения. Длинная шея над округлыми плечами, угадывающимися под чёрной траурной шалью. Волнистые медно-рыжие волосы, лежащие в том беспорядке, что достигается только посредством могущественной женской магии. Тонкий нос с легкой горбинкой, пухлые алые губы, словно созданные для нежных слов и поцелуев. Но больше всего Офелию поразила молочно-белая кожа хозяйки. Предел мечтаний любой благородной леди в метрополии и колониях. Жизнь среди гор не отличалась комфортом, и по собственному богатому опыту она понимала, что содержание заезжего двора требует всех сил без остатка. А вышедшая им навстречу женщина больше напоминала королеву в изгнании, чем крестьянку.

Как только эта мысль пронеслась в сознании Офелии, она снова начала дышать. Словно очарованная красотой незнакомки, она забыла, как это делать. И украдкой глянула на Костина. Юноша, раскрыв рот, во все глаза глядел на снизошедшую к нему богиню. Так смотрят на заставленный яствами стол после голодного года.

Насладившись произведённым эффектом, богиня заговорила на греческом, но видя, что путешественница её не понимает, с лёгкостью перешла на общеимперский.

– Я рада приветствовать вас на моём постоялом дворе, госпожа. И тебя, отважный юноша, – она одарила юнца столь ослепительной улыбкой, что кости того в тот же миг должны были превратиться в студень. – Проходите, мои дочери возьмут ваши вещи и позаботятся об ужине.

Внутри помещение выглядело идеально. Столы были покрыты скатертями, украшенными цветочной вышивкой ручной работы. Пол и стены удивляли своей чистотой и ухоженностью. А дочери, вышедшие им навстречу, были под стать матери, только обе с чёрными,

словно вороны крылья, волосами. Вещи гостей были приняты и разложены. Огонь в очаге, ранее тлевший, вновь ощутил силу и, загудев, устремился к дымоходу. Двор на глазах оживал:

– Вот видишь, – успокоила юношу Офелия, – ты всё волновался, а здесь достаточно мило.

Да и хозяйка – чудо как хороша, – подмигнула она Костину, но тот в ответ лишь неуверенно улыбнулся, всё еще находясь под чарами. Тем временем вошла хозяйка.

– Чего желают на ужин, мои гости? Могу предложить кокорас красатос³, кефтедес⁴, кефалотири⁵. А на сладкое галактобуреко⁶ и лукумадес⁷, – с улыбкой продолжила она, поочередно оглядывая путешественников.

– Несите всё, – сказала Офелия, у которой от одних слов о еде начали течь слюнки. – И моему юному другу сливянки.

– Сливянки нет, но я могу предложить ципуро⁸, – она вопросительно взглянула на своих гостей и, не заметив признаков протеста, кивнула и вышла. Вскоре раздался её голос, дающий, видимо, указания дочерям касательно готовящихся блюд. Пока Костин очарованно поглядывал на дверь, ожидая очередного явления богини, Офелия поднялась наверх, чтобы осмотреть комнаты. Ожидания оправдались, всё чисто, если не сказать – стерильно. Впервые подозрения, пока еще несмелые, кольнули её. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, как говорил один её знакомый. Она осмотрела внимательней коридор, заглянула в другие комнаты... Так ничего предосудительного не обнаружив, спустилась вниз.

Тем временем дочери стали накрывать на стол, сохраняя то же молчание и улыбаясь, словно механические куклы. Сколько бы Костин не пытался их разговорить, всё безуспешно:

– Они немые от рождения, – раздался голос хозяйки. – Кстати, если вам не сказали в деревне, меня зовут Дафния. И если вам что-нибудь понадобится ночью, зовите меня. Мы спим в том крыле, я услышу.

– Хорошо, госпожа Дафния, – сказала Офелия. – Я только хотела спросить насчет ванны. Что у вас с горячей водой?

– Я предвидела вашу просьбу, леди...?

– Офелия.

– Прекрасное имя для прекрасной леди, – заворковала хозяйка постоянного двора, стараясь поймать взгляд путешественницы. И едва их глаза пересеклись, по нервам Офелии пробежал огонь паники, быстро, правда, улегшейся. На миг её почудилось, что глаза хозяйки отливают огнем, но она списала это на усталость и отсветы очага. – Вода уже греется, и Кора прислужит вам.

– Мои благодарности многомудрой хозяйке, – она склонила голову, таким образом, отдавая дань уважения.

– Не стоит, право. Мы уже слишком давно занимаемся этим сами. И кто лучше поймет женщину, чем другая женщина. – Сказав это, она снова вышла. А спустя уже несколько минут появились хозяйкины дочери, споро выставившие подносы с едой. Следующие полчаса были отданы исключительно еде. Насытившись, Офелия отправилась в ванну, а вымотавшийся физически, но еще больше – морально, молодой валах – в отведенную ему комнату.

³ Петух, тушеный в белом вине.

⁴ Овощные котлетки из баклажан, помидоров, грибов, кабачков и бараньего гороха.

⁵ Твердый сорт сыра из козьего молока.

⁶ Это один из видов “буреков”, которые были принесены в Грецию турками, он напоминает пирог, но с необычной начинкой.

⁷ Представляет собой небольшие шарики, которые готовят из дрожжевого теста. Сами шарики не сладкие, их обливают медом, сладким сиропом и посыпают сахарной пудрой.

⁸ Относится к разряду виноградных бренди. История напитка восходит к 14 веку. Примечателен факт того, что до конца 20 века продавать его можно было только в пределах области (по-гречески – нома), где оно было произведено.

Закрывшись в комнате на замок, Офелия достала заблаговременно спрятанный револьвер. Посмотрела на кофр, подумав, не стала его расчехлять. Зато извлекла из саквояжа длинный изогнутый кинжал *бебут*⁹, засунув его под подушку. Немного здоровой паранойи никогда не бывает лишней, рассудила она, прежде чем потушить свечи.

Она резко проснулась, словно выброшенная из царства Морфея чьей-то грубой рукой. Тишина в комнате и за дверью её почему-то не успокоила. Офелия, с трудом нащупав коробок, чиркнула спичкой, освещая комнату неверным светом. Зажегши несколько свечей, гостя, не снимая ночной рубашки, приоткрыла дверь и, прикрывая свечу ладонью, выглянула в коридор.

Тихо.

Внезапно она услышала легкое шипение, буквально на грани слуха. И раздавалось оно со стороны комнаты, которую занимал Костин. Стараясь не шуметь, она сделала несколько шагов в том направлении, когда дверь в комнату юноши распахнулась, осветив часть коридора, и из неё вышла вторая дочь Дафнии, имя которой они так и не узнали. Вся нижняя часть её лица и передник длинного платья были залиты чёрной краской. Но Офелия мгновенно догадалась об истинном цвете залившей лицо немой.

Кровь.

Бедный мальчишка стал первой жертвой семейки убийц, устроивших себе здесь пастбище. Не говоря ни слова, Офелия бросилась обратно в свою комнату. И едва дверной замок издал успокоительный щелчок, как на дверь посыпался целый град ударов. Бросившись к столу, она зажгла все свечи в комнате лишь для того, чтобы увидеть за окном лицо хозяйки, растерявшее всю свою привлекательность. В некогда идеальном лице проступали змеиные черты. И это не считая двух клыков, приподнявших верхнюю губу. Мгновение две женщины смотрели друг на друга, затем одновременно начали действовать. Офелия бросилась к кровати, а Дафния в вихре осколков вломилась внутрь помещения. Но только ног у неё не было! Ниже пояса её тело представляло мощный змеиный хвост. Это отчасти объясняло, как её лицо оказалось на уровне второго этажа. Издав злобное шипение, хозяйка бросилась к путешественнице, протягивая к ней руки, вместо ногтей на которых уже росли чёрные изогнутые когти.

Едва коснувшись подушки, под которой лежали кинжал и револьвер, Офелия вовремя развернулась, чтобы встретить летящую на неё смерть. В голове промелькнула древняя храмовая монета, виденная ею однажды в коллекции одного сноба. На аверсе монеты была изображена женщина-змея вроде той, что сейчас тянула руки к её горлу. И полустёртая надпись по-гречески – *λαμία*.

Подушка полетела в оскаленную морду ожившей легенды и, перевернувшись через кровать, подальше от разъяренной Дафнии, Офелия схватила *бебут*. Подушка буквально взорвалась облаком перьев, из которого ринулась ламия. Блеск стали немного охладил воинственный порыв. Но женщина-змея, свернув хвост кольцами, нависла над сжавшейся в углу жертвой. Дотянуться до револьвера теперь не было возможности, и Офелия сделала то единственное, чего от неё не ожидала ламия. Перехватив почти полуметровый клинок, отчаявшаяся женщина неожиданно бросилась вперёд, нанося размашистые секущие удары. И последний удар, в который были вложены оставшиеся силы, вошёл точно в сердце хозяйки постоянного двора. Изумление, вызванное отчаянным мужеством жертвы, сменилось гневом, а затем болью и осознанием скорой смерти. Крик безумного отчаяния сотряс стены комнаты. Ему ответили голоса из-за двери, сдерживающей двух разъярённых дочерей последние секунды. Глаза Дафнии закатились, хвост дернулся несколько раз и замер, а Офелия уже упала на кровать, хватаясь за свой испытанный «ремингтон». И когда в рухнувших дверях возникли силуэты двух ламий, открыла

⁹ Один из основных типов кавказских кинжалов. Вероятнее всего – тюркского происхождения. Клинок изогнутый, двусторонней или односторонней заточки, длиной до 50 см, чаще всего с долами.

беспорядочный огонь. Но только благодаря короткой дистанции почти все пули попали в цель, отбрасывая в коридор уже бездыханные тела древних чудовищ...

С рассветом Офелия, собрав вещи, вышла из дверей «гостеприимного дома», в котором вынуждена была дожидаться утра, так как идти ночью через перевал смог бы только сумасшедший. Бросив на пол кувшин с оливковым маслом, она чиркнула спичкой и выскочила из двери постоянного двора, отдавая огню тела трёх ламий и молодого валаха.

– В Грецию больше ни ногой! – произнесла она, поворачиваясь в сторону восходящего солнца...

Она открыла глаза, вновь выскользнув из мира воспоминаний в реальный мир. За окном всё так же шёл дождь, но глинтвейн в кружке окончательно остыл и, вздохнув, Офелия отставила кружку, вглядываясь в проносящийся мимо её окна безумный, безумный мир.

Волны памяти

Офелия смотрела в окно летевшего паротяга, с грустью отмечая быстро сменявшиеся пейзажи. Это было сродни смене времён года. Когда белый покров снега истончала капель, её иссушала жара. А жару, в свою очередь, охлаждали дожди. И так до бесконечности. Из года в год.

Ощущение себя деталью неисправного механизма у неё со временем прошло. Она рассуждала так: если люди – часть высшего замысла, то за сменой пейзажей следует конечная остановка, на которой (рано или поздно) выходят все. Но часть механизма вышла из строя и отправилась в самостоятельное плавание. Для чего?!

Что за место уготовано ей в плане Великого Механика? И есть ли этот план для Офелии, всё едущей от остановки к остановке четвёртую сотню лет. Из размышлений её вырвал свист механического чайника. Без обиняков заявлявший, что настало время пятичасового чая. Глупая привычка, приобретённая ею за долгую жизнь в Лондиниуме. Проводник, с густой гривой рыжих, словно огонь, волос, нажал кнопку на приборной доске и чайник затих. Словно пленник, свывшийся со своей участью. Чайный сервиз с эмблемой паротяжной компании ожидал своего выхода.

– Чёрный, красный, зелёный? – учтиво спросил Скотт с характерным для его родины выговором.

– Зеленый, – немного подумав, выбрала Офелия, снимая очки для чтения и закладывая так и не прочитанную страницу.

Рыжий проводник шагнул к ней и коленный сустав его правой ноги, издав лёгкий свист, выпустил струйку пара. Механико-паровой протез делал походку Скотта неловкой.

– Алжир? – спросила Офелия, глядя на проводника сквозь облачко пара, поднимавшегося над чашкой чая.

– Севастополь! – отчеканил рыжий, одним словом возводя стену отчуждения.

«А-а, – про себя подумала Офелия, – страна диких москвитов, которые дали Империи ощутимого пинка. У стен никому не известного ранее города перемолов – лучшие полки бриттских снобов». А поспешно заключенный мир и щедро оплаченная пропаганда сделали победу еще более значимой. Хотя ходили разговоры, что волк теряет зубы и пора провести обширную военную реформу. Поставить на службу империи все последние достижения военной науки.

Молодому Скотту еще повезло, что медицина не отставала по уровню от военного потенциала и ему спасли ногу. Ну и что, если в теле теперь будет некоторая доля механики. Зато жив и пригоден к работе, а не пополнил ряды попрошаек у церкви, несущих как ордена свои увечья. Но, конечно, потомок воинственных горцев военным стал больше не нужен. Видимо, юноша был отправлен на почётную, но не очень обеспеченную пенсию.

Офелии хотелось подбодрить рыжеволосого проводника. Но, увидев сжатые в тонкую линию губы и отсутствующий взгляд, она отступилась. Слишком часто ей встречались люди, которых переварила и изрыгнула война. С виду многие из них оставались прежними. Но это только на первый взгляд. Те раны, что несли они в душе, были намного страшнее видимых остальным шрамов. И далеко не все могли позволить себе курорты Франкии, кушетку у психотерапевта или даже обычную сиделку. Отделавшись чаще всего красивой медалью, империя забывала о них. Королевская власть желала видеть молодцов, которые пройдут сквозь огонь преисподней, высоко неся её знамя и распевая гимн. Но утратившим часть себя в этом бесконечном походе дома были не очень рады. Поэтому ветераны бесчисленных колониальных войн редко попадались на улицах столицы. Им назначали пенсию и оплачивали проезд в любой уголок империи на выбор. Главное – подальше от метрополии.

– Я еще нужен Вам, леди?

– Нет, можете идти, – Офелия улыбкой попыталась сгладить свою оплошность, но это мало чем помогло. Скотт вышел из купе со спиной еще более прямой, чем когда входил.

– Бедный мальчик, – прошептала она, стоило дверям закрыться. – Столько боли в столь юном теле...

Держа чашку двумя руками, она вновь смотрела в окно, переживая свои собственные душевные раны:

Огонь безумных слов того, кому она отдала своё сердце, сжёг её в первый раз. Отринув её своим разыгранным безумием, Гамлет не мог сделать еще больней. Смерть отца сожгла её во второй раз. Сколь хрупким был тогда её разум. И сколь тонки были стены мира, в котором она жила. Они рухнули, не выдержав первой же в её жизни бури, сгорев в пламени отчаяния. И из этих обломков возродился феникс безумия, отравивший её сознание ядом горечи и печали: «Вот розмарин – для памяти!»

Сколь многое укрылось за шторами безумия – не люди вокруг, но звери алчные! И нет им числа. Беги, Офелия! Беги! Нет сил противостоять им. Лишь букеты цветов раздвигают стены тьмы. Так мало тех, кто мог её любить. И нет совсем никого, кто мог бы её спасти!

Тот бег был остановлен лишь водой. Вот избавленьё! Тёмная вода, ласкаемая тонкими ветвями ивы, манит. Она обещает не прохладу в жаркий день, нет. Она обещает куда более значимое – забвение и очищение. Только для неё. Стать *tabula rasa*.

Чистым листом. Чистой душой. Чистым сознанием.

Офелия помнит до сих пор распахнутые объятия воды. Нет, это не мужские руки. Они грубы, жестоки и неверны. Они с легкостью принесут в жертву юную Офелию. Нет! Это нечто большее. Что-то глубинное, напоминающее материнские объятия и время, проведенное в её чреве. Те же покой и тишина. Та же чистота. Но с уже проступающим тёмным пятном – бес-смертием.

Тяжелее тяжкого эта ноша становится не сразу. И Офелия рада, что ей не приходится пить кровь, как тому несчастному безумцу, Владу Цепешу, чью горькую правду разнёс по всему свету мистер Стокер. О, они бы составили милую компанию! Но нет.

Она помнит холод земли, давящей на уже пробуждённое к жизни тело. Боль сорванных ногтей и привкус стылой земли на языке. Но кто-то вложил в её обновлённую душу невероятную волю к жизни. Теперь, когда для всех она умерла. Почему ей он не дал эту волю раньше?! Пережить то безумие, быть сильной! Для себя, для Гамлета!

Хотя... Простила ли она его поступок? Теперь, спустя четыре сотни лет, Офелия могла сказать спокойно, что да. Но не из-за того, что приняла его слабость, а из-за того, что приняла свою силу. И вера в то, что небьющееся сердце когда-нибудь вновь издаст уже полузабытое «тух-тух, тух-тух», вела её до сих пор.

Реки времени

Все реки текут. И мы принимаем это как данность. Как что-то само собой разумеющееся. Одни из них степенно несут свои полноводные тела по равнинам. Иные стремительно бросаются с отвесных скал, бурлящим от избыточной энергии потоком. Но тех и других объединяет скрытая в их глубинах хтоническая мощь. Первобытная, волшебная, властная. Нет ничего мягче и нет ничего безудержней, чем постоянно изменяющаяся водная гладь.

С приходом механики, пара и электричества в мире как будто исчезло всё волшебное. Стало меньше чудес и загадок для пытливого человеческого ума. Просто мы, рассуждала Офелия, перестали смотреть по сторонам. Перестали удивляться и искать непознанное в самих себе. Отдалились на волю прогрессу, добровольно надев шоры цивилизации.

Но шагните в сторону с дороги, указанной нам техническими гениями, и окажетесь на тропах неведомого, непознанного. А местами даже жуткого. Людям же свойственно игнорировать подчас очевидные вещи. Поэтому любому сверхъестественному событию находится вполне логичное объяснение: взрыв парового котла, замыкание цепей, изношенность деталей. И только где-то в конце списка находим пресловутый человеческий фактор. Вот здесь Офелия обычно улыбалась каким-то своим, неведомым посторонним мыслям...

Старый Свет. Сколько вобрало в себя это словосочетание. Как много оно дало миру, начиная с дикости человечества и заканчивая открытием Джеймса Уатта. Больше всего Офелия любила его. В отличие от множества других, избравших пути первопроходцев и покорителей Нового Света, она наслаждалась тем, что мог ей предложить и старый.

Пароход издал протяжный гудок, пробираясь в тумане. Хроно показывал полвосьмого вечера, словно подгоняя Офелию. Круиз по старому мрачному Рейну обещал приятно разнообразить её путешествие. Особенно после встречи с оборотнем на маленькой станции посреди Шварцвальда. Это событие внешне никак не отразилось на ней, но пули из подарка Николы теперь переключались в её «ремингтон». Который сегодня, к слову, был скрыт длинной юбкой. Ей пришлось долго примерять то одно, то другое платье, прежде чем она нашла компромисс между брать на сегодняшний ужин маленького спутника или не брать. Победило приятное ощущение тяжести на левом бедре. Корсет, который украшали уже привычные и прочно вошедшие в моду шестерёнки в тонкую и толстую полоску. На маленькой шляпке прочно угнездились гогглы, придававшие их владелице несколько отстранённый вид.

Офелия проигнорировала вошедшие в моду полумаски, выполненные из легкого сплава и повторяющие черты лица их владельца. Но большинство женщин на пароходе не были столь категоричны. Все встреченные ею дамы носили скрывающие маски, создающие их владелицам лёгкий флёр загадочности. К тому же многие из них взяли с собой в круиз механических питомцев: от вполне безобидных насекомых, помещающихся в ридикюле, до животных – телохранителей в виде бойцовых собак или хищников Чёрного континента.

Капитан речного парохода не поскупился на иллюминацию, и его корабль напоминал рождественскую ель. Но ворчание Офелии по этому поводу было скорее данью привычке, потому как ей на самом деле здесь нравилось.

Ровно в восемь, когда большая часть пассажиров собралась на верхней палубе, превращенной в банкетный зал, начали праздничный ужин. Офелия сидела за столиком вместе с пожилой парой бриттов. Довольно старомодных, но живых и общительных. Леди Розалия и сэр Чарльз возложили на себя роль добрых дядюшки и тётушки, всячески опекая её в этом путешествии. И, кажется, собирались искать ей пару. Это умиляло, особенно если учесть, что оба они годились ей в праправнуки.

Звуки музыки, сопровождавшей вечер, разносились далеко вокруг. В ней слышался и скрип несмазанных шестерёнок, и тяжёлое дыхание пара, и треск электричества. Но все вместе, наложенные рукой великого Чайковского, делали её поистине божественной. И когда настало время танцев, неведомая сила выхватывала людей из-за столов, кружа их в стремительном вихре танца.

Офелия уже несколько раз ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин разного возраста и сословной принадлежности. Но, столкнувшись с её напускной отчужденностью, те не решались подступить.

– Вы их пугаете, милочка, – раздалось справа от неё и, обернувшись, Офелия увидела старую даму, на плече которой сидел механический питомец в виде совы. Когти ночного хищника цеплялись за кожаный наплечник, придававший его хозяйке вид отставника.

– Разве может слабая женщина пугать воинственных мужчин? – изобразила недоумение Офелия, подтверждая свои слова лёгкой улыбкой.

– С легкостью! – отчеканила старая леди. – Потому что эти бесхребетники, – она обвела зал рукой, – ни на что другое, кроме как распускать хвост, не способны.

В голосе старушки послышалась сталь, и Офелия вдруг с легкостью представила её вагнеровской валькирией.

– Когда кто-нибудь из них бился на дуэли?! А в армии?! Спросите у любого из этих бонвиванов, как они относятся к армии и вы, милочка, поймёте, почему, – тут старая леди завернула такой речевой оборот, что даже сова заухала, – отсталые москвиты отвесили нам пинка! Там, под Балаклавой, среди тех несчастных шестисот мальчишек¹⁰ полегли все настоящие мужчины Империи, – тут она смачно сплюнула за борг. – А это так, мужчинки.

– Так что поверьте мне, милочка, – продолжила тем временем старушка, – эти хлыщии пугаются одного вашего вида, но не расстаются с надеждой залезть вам под юбку. Потому что искренне уверены, что проще опуститься до уровня доступности, чем вырасти до исключительности.

Впечатленная её речами, Офелия засмеялась и схватила с подноса механического слуги два бокала с брютом, протягивая один своей визави:

– А вы, часом, не...

– Ритмейстер Вигберг фон Краусгольц. К вашим услугам.

– Стальная Вигберг. Живая легенда!

– Не стоит выпрыгивать из панталон от радости, милочка, – «живая легенда» одним махом осушила бокал. – Я давным-давно на пенсии, тьфу, в отставке. И всё из-за этого, – она постучала по маске пальцем и, приглядевшись, Офелия поняла, что это не маска. Это было лицо Стальной стержы, как неофициально называли Вигберг в армии. Вернее, его большая часть.

– Штурм Дели¹¹, – пояснила она сразу, чтобы избежать неловкостей и надоевших вопросов. – После него и мы, и они никогда не станем прежними. Но, – внезапно оборвала она

¹⁰ В военной истории Европы слово «Балаклава» прочно ассоциируется с конной атакой британской Легкой бригады. Оно стало синонимом напрасной жертвы, безумно смелого, но заведомо обреченного на неудачу предприятия. Затмив (может быть, не вполне заслуженно) другие моменты Балаклавского сражения – единственного удачного дела русской полевой армии на Крымском театре Восточной войны, эта атака, проведенная по нелепому и ошибочному приказу, показала высокие боевые качества английской кавалерии

¹¹ Осада Дели стала одним из решающих сражений в ходе восстания сипаев 1857 года. После нескольких лет возрастающих трений между сипаями (наёмными индийскими солдатами) Бенгальской армии британской ост-индской компании, сипаи в Мератхе в 97 км северо-западнее Дели перешли к открытому мятежу против своих офицеров-британцев. Поводом для восстания послужило введения новых винтовок Энфилда образца 1853 года. Было широко распространено мнение, что оболочки патронов для винтовок этой системы смазывались смесью из говяжьего и свиного жиров, перед зарядкой винтовки оболочка патрона должна была быть откусана (как того требовали строевые уставы). Выполняя это требование, солдаты-мусульмане, как и индуисты, оскверняли себя.

саму себя, – не стоит предаваться унынию, моя дорогая. Давайте-ка пройдем к бару и закажем бутылку шнапса, а не той бурды, что здесь выдают за выпивку.

Но едва собеседницы отвернулись от перил, с носа корабля раздались женские крики, затем мужской голос что-то прокричал, и наступила тишина. И пассажиры, и команда бросились к месту происшествия, громко требуя объяснений. Офелия, пристроившись в кильватере героини почти всех войн на континенте, оказалась в первых рядах.

У ограждений правого борта без сознания лежала молодая леди с Альбиона. Вокруг неё хлопотали, по-видимому, её компаньонки. Чуть поодаль двое моряков докладывали капитану о случившемся, и Офелия напрягла слух:

– Истинно говорю, господин капитан, сэра Вулдридж стоял около лееров с леди, пил шампанское. Когда вдруг весь подобрался, словно, простите, охотничий пёс. А затем, затем прыгнул за борт, крича какую-то околесицу.

– Пуллер верно говорит, господин капитан, – козырнул второй матрос. – Леди Ганциг сперва закричала, а затем упала в обморок. Мы первыми подбежали, но ничего уже не увидели. Видно, он сразу на дно пошёл, – добавил матрос, словно оправдываясь.

– Шлюпки на воду! – проревел капитан. – Всем свободным от вахты взять багры и фонари. Попробуем отыскать сэра Вулдриджа. Хотя, – добавил он себе под нос, – если идиот решил измерить глубину Рейна, то Бог ему в помощь.

Отойдя от толпы, Офелия выглянула за борт. Тёмная мощь воды, спокойно продолжавшая своё течение, пробудила её собственных демонов. От которых, как она думала, давно избавилась. Обстоятельства смерти несчастного бритта напомнили её собственную кончину. Но вода, принявшая тело совсем юной Офелии, была сродни спасению. А те воды, что сейчас заполучили в свои сети еще одну душу, отдавали проклятием.

Бурная деятельность, как она подозревала, была развита специально для туристов. Любой здравомыслящий человек должен был понять, что в темноте, посреди не самой маленькой реки Старого Света, найти спятившего глупца просто нереально. Тем временем Вигберг, перебросившись с капитаном парой фраз, увлекла её к барной стойке, попутно успев заказать шнапс. И когда официант принёс бутылку и пару рюмок, отправила его небрежным жестом руки.

– Капитан просто душка, – вдруг совершенно не к месту заявила неугомонная фрау Краусгольц. – Прекрасно справился с ситуацией. Вот что значит боевой офицер! Эх, где мои семнадцать лет, – вздохнула она. – Всегда питала слабость к военно-морским силам. К слову, Артур, наш капитан, подозревает, что здесь замешаны сверхъестественные силы. Ну, вы же понимаете, моя дорогая, моряки – народ суеверный. Так вот, те огни на берегу – это город Бахарах, возле которого, по преданию, расположена скала Лорелеи. Слышали ли вы когда-нибудь эту поучительную историю?

Офелия утвердительно кивнула головой, и старушка продолжила:

– Так вот, наш кэп¹² ждёт, когда придёт в себя эта несчастная леди Ганциг, чтобы уточнить, что же крикнул наш прыгун перед встречей с бездной. Он боится, что она назовёт это имя.

Сова, всё это время терпеливо сидевшая на плече отставной риттмейстерши, вновь заухала и, к удивлению Офелии, склонившись к уху хозяйки, что-то прошипела. Видя недоумённый взгляд своей юной собеседницы, фрау Краусгольц пояснила:

– Паллада беспокоится, чтобы я не устроила какое-нибудь безумие. Но я уже так давно не попадала в переплёт, что, кажется, стала терять хватку.

– Но ведь спутники не наделены разумом! – не выдержала Офелия, стараясь выглядеть менее потрясенной, чем была на самом деле.

¹² Капитан корабля на англо-морском сленге.

– И вы совершенно правы, милочка. Моя сова транслирует мне мысли моего мёртвого мужа. Это изобретение уже покойного Виктора Франкенштейна. Мы встречались с ним еще до всей этой заварухи с оживлением мёртвой плоти. Он был очень многообещающим учёным. И армия бы только выиграла, если бы сумела найти к нему подход. Но, увы и ах. Очень часто мы поручаем жизненно важные задания не тем людям. И в итоге получаем пшик. К сожалению, я тогда только потеряла моего Пауля и была убита горем. Мне было не до поручений командования, но Виктор заметил меня из всей делегации и предложил помощь. Я согласилась. Теперь частица Пауля всё время рядом со мной.

– Очень трогательно, – Офелия посмотрела в сухие глаза Стальной Вигберг. – А вы не...

– Не хотела ли я оживить мужа? Нет. После того, как в него попало ядро, оживать, собственно говоря, было нечего. К тому же, я не совсем уж еретичка, чтобы идти на конфликт с Церковью и, чего уж греха таить, с природой. А это, – она погладила сову, – всего лишь невинная игрушка.

Офелия была поражена. В своих странствиях она также встречала безумного, как ей тогда показалось, учёного. Но их встреча прошла не так гладко, как ей бы хотелось. Тем временем склянки на корабле пробили полночь. Уставшие и потрясённые пассажиры стали разбредаться по каютам. Засобиралась и Офелия. Но громкие голоса вновь привлекли её внимание. Это пришла в себя несчастная леди Ганциг. А капитан, как и обещал, задал интересующий его вопрос. Судя по тому, как нахмурилось его лицо, ответ его не обрадовал. Фрау Вигберг пригласила его к столику, недвусмысленно показывая на шнапс. Козырнув, капитан принял приглашение, но сидел темнее тучи. Поэтому бравый риттмейстер сама начала разговор:

– Что же крикнул наш прыгун, Артур? – спросила она, когда вторая рюмка опустела. Капитан бросил на неё хмурый взгляд, но зная, что говорит со Стальной Вигберг ответил:

– Лорелея. Чтоб её! Я думал, этой байке сотни лет. И в мыслях не держал встретиться с ожившей легендой.

При этих словах Офелия про себя усмехнулась. У капитана сегодня исключительный день, так как он сидит сразу с ДВУМЯ ожившими легендами.

– Как ты намерен поступить? Ведь нужно доложить властям. А им ты не сможешь рассказать о том, что твоего пассажира утащила золотоволосая нимфа, дравшая тут глотку сотни лет назад, тем самым приманивая озабоченных идиотов.

– Не расскажешь, – капитан совсем пал духом. Но фрау Краусгольц не собиралась сдаваться.

– На твоём месте, Артур, я бы причалила с утра в Барахе. И расспросила бы местных рыбаков. А я тем временем прогуляюсь к той скале, вдруг что-нибудь, да открылось. Тем более на женщин не действуют всякие там штучки, – тут она презрительно наморщила нос, одним махом опорожня рюмку.

Офелия, с интересом слушавшая беседу, встрепенулась:

– Я не отпущу вас одну, Вигберг. И не надейтесь.

Старушка благодарно ей улыбнулась:

– Вот видите, Артур, вам совсем не о чем беспокоиться. Я к тому же буду и не одна.

Капитан еще некоторое время поупирался, но скорее для виду. И успокоился только тогда, когда Офелия продемонстрировала ему «ремингтон».

– Ну, хорошо! Только времени вам дам до вечера. Если к четырем склянкам вас не будет, отправлю поисковую команду. Так и знайте.

Утром пароход пришвартовался у маленькой пристани и Офелия со спутницей, цокая каблучками, сошла по трапу. Спросив у местных жителей дорогу к скалам, они двинулись пешком, благо идти было недалеко. Пробирались по каменистой тропе, должной вывести их прямо к скале, имеющей столь дурную славу, что местные до сих пор сторонились этих мест.

Солнце, заливавшее всё вокруг благодатным светом, еще больше подчёркивало красоту этих мест. Тем больше был контраст между историей и действительностью.

Поднявшись на самую скалу, женщины увидели копошащегося у воды старика. Фрау Вигберг, прекрасно показавшая себя в этом коротком путешествии, тут же решила спускаться. Паллада взяла на себя функцию проводника. Сова улетала вперед и уханьем оповещала о спуске. Одев гогглы, Офелия попыталась рассмотреть старика, но механика странным образом отказывалась увеличивать объект. Сочтя, что они просто вышли из строя и потребуется их откалибровать заново, она сдвинула их обратно на шляпку и устремилась за удалявшейся спутницей.

Еще с полчаса ушло у них на спуск. Теперь старика можно было рассмотреть невооруженным взглядом. Правда, Офелия сразу же об этом пожалела. Могучего телосложения, в странной одежде, напоминавшей скорее расползавшиеся вещи утопленника, старик по самые глаза зарос бородой. Волосы его также не знали ножниц цирюльника, расползаясь копной прелого сена. В могучих руках они заметили тело выпрыгнувшего за борт аристократа. Старик заметил их приближение, но виду не подал, предоставляя прибывшим самим начинать неприятный разговор. Но тут Стальная Вигберг удивила Офелию еще раз:

– Опять за старое принялся, Рейн? – спокойно, как старого знакомого спросила она.

– А ты кто, козявка, чтобы спрашивать?! – пророкотал старик, чьё имя неведомым образом оказалось известным отставной риттмейстерше.

– Да ты совсем зрение растерял, старый барахольщик. Не надоело с мертвечиной возиться? Предложение Белого Бога еще в силе. Даже для такого как ты.

– Что ты знаешь об этом, старуха?! – расхохотался старик. – Это моя река! Мой дом! Я никуда отсюда не уйду. Мне здесь нравится.

– Даже твоя игрушка, эта дурочка Лорелея оставила тебя. А ты всё упрямисься. Что ты хочешь доказать?! А главное – кому? Белый Бог дал нам выбор, и мы его приняли. А ты, видимо, совсем растерял разум, раз взялся за старое.

Офелия почувствовала, как буквально наэлектризовался воздух, а старик стал еще больше. Его лицо превратилось в лицо утопленника, на руках выросли когти. Бочком она стала отодвигаться в сторону, пытаясь привлечь внимание сумасшедшей старухи. Но тщетно:

– Я – гнев! Я – ярость! Я – обманутые надежды! Я – боль разлуки! Я – Смерть!!!

Проревев это, странный старик бросился вперед, а ждавшая только этого движения Офелия разрядила в него весь барабан. Старик только хрюкнул удивленно, но и не подумал остановиться. На его пути возникла невысокая тщедушная старая фрау с нелепой совой на плече. Но как только лапища старика коснулась её, раздался гром, и вспышка света отбросила его назад. Проморгавшись, Офелия решила, что у неё помутнелось сознание. Там, где стояла Стальная Вигберг, высилась величественная женщина в древнегреческой хламиде, испускавшая волны золотого света. В одной руке она сжимала круглый щит, в другой – эгиду. На плече у неё сидела живая, а не механическая сова.

– Я – Зевсорожденная Афина Паллада! Ты – старый идиот! Я выполняю просьбу Белого Бога, Рейн. Находить тебе подобных ослиных упрямец и отправлять вас в новый дом. Его силой я приказываю тебе уйти!

Богиня направила эгиду на Рейна, и древний бог реки исчез во вспышке яркого света. Когда светопреставление завершилось, на берегу остались только Офелия и тело несчастного сэра Вулдриджа. Но она думала сейчас не о нем, а о последних словах богини, раздавшихся прямо в её голове:

– Мы те, кто мы есть. Этого не спрятать, как тебе бы ни хотелось. Мы чувствуем природу друг друга и неосознанно тянемся к себе подобным. Может, это и не последняя наша встреча, милочка, как знать. Всё в руках Его.

Ночной полет

Люди всегда хотели быть ближе к небу. Дотронуться хотя бы кончиками пальцев до этого величественного, недостижимого, таинственного Нечто. Что могло соперничать с ним по красоте и неповторимости?

Утреннее – розовеющее в лучах колесницы Гелиоса, что стремительно мчит по крутому небосводу. Вечернее – цвета уставших красок, цвета выполненной работы, долга, планов. Это небо успеха и завершения. Но больше всего Офелия любила ночное небо. Это время, когда оживают людские страхи, грёзы, сны и желания. Одни ясны и понятны, другие темны и запретны. Это время Морфея, Гипноса¹³ и Гекаты¹⁴. Их мощь правила миром на заре цивилизации.

Когда первые люди поднялись в небо, это было сродни чуду. Но сила пара сделала их практически равной древним богам. Когда Офелия впервые увидела парящий в небе над Лондиниумом дирижабль, сердце её едва не выпрыгнуло из груди. Детище неистового француза Анри Жиффара воплотило мечты человечества о небе. Пускай он был сродни гиппопотаму – такой же громоздкий, неповоротливый и медлительный. Но он парил Там, в вышине. «Рядом с ангелами», – непременно добавляла она про себя.

Прошло немного времени, летающие левиафаны полностью овладели небом. Небольшие почтовые и курьерские дирижабли, напоминавшие упитанных уток, летали через весь континент. Прогулочные, туристические и, конечно же, военные. Особенно внимательно к ним присматривались алеманы¹⁵ и федераты за океаном. Эпоха пара и электричества давала не только ощущение комфорта и уюта. Кому-то она казалась прекрасной возможностью расплатиться за старые обиды. Или же завоевать немного славы и много территорий. Об этом Офелия размышляла за чашкой кофе в банкетном зале прогулочного цеппелина. Зал был безлюден, поэтому прекрасен. Офелия расположилась у приоткрытого иллюминатора, отпустив несчастного стюарда, на свою беду вышедшего ей навстречу и вынужденного приготовить кофе.

Тёмно-синий бархат ночи, усыпанный крупинками звёзд, словно шептал ей о чём-то. Внизу проносилась старушка Европа, беспокойно ворочающаяся и стонущая во сне. Эпоха прогресса и мира заканчивалась. Это чувствовалось по газетным статьям, по разговорам на приёмах и в клубах. Предчувствие беды нависло над Старым Светом. И, как всегда в подобные времена, людьми овладевали их внутренние демоны. История Кожаного Фартука¹⁶ взбудоражила Империю. Многие люди вновь обратились к религии. А кто-то – к спиритизму и опиуму. И все они хотели сбежать в выдуманные миры от еще большего ужаса войны. Войны!

Особо популярны стали готические романы о вампирах. Каждый, умеющий писать, хоть раз обращался к теме бессмертных. Но никто не сравнится с Абрахамом Стокером и его надевавшим шума «Дракулой». Людей буквально покорила древний валашский князь. Но Офелия смотрела на всё это с изрядной долей скепсиса. Особенно после встречи с самим главным героем....

¹³ (Др. греч. ὕπνος, «сон») – в древнегреческой мифологии божество сна. Брат Танатоса, Гипнос спокоен, тих и благоклонен к людям.

¹⁴ В греческой мифологии властительница мрака, богиня ночи. Геката властвовала над всеми привидениями и чудовищами, ночными видениями и чародейством.

¹⁵ (От герм. alle mapper – «все люди») – древнегерманский союз племен, в который вошли германские племена из распавшихся ранее союзов свевов и маркоманов.

¹⁶ (Англ. Leather Apron) – один из псевдонимов, присвоенных серийному убийце, который действовал в Уайтчепеле и прилегающих районах Лондона во второй половине 1888 года.

– Разрешите присесть за ваш столик, мадам? – раздался чей-то глубокий низкий голос, в котором слышались ироничные нотки.

– Мадемуазель, если вам будет угодно, – Офелия подняла голову и столкнулась взглядом с парой карих, почти чёрных глаз, в глубине которых мерцали золотые искорки. Их владелец был одет строго, но с той долей небрежности, что проявлялась у людей, склонных к авантюрам. Выдержав её взгляд, он не исчез как большинство мужчин. Офелия сделала приглашающий жест, и незнакомец воспользовался им. Едва он опустился в небольшое плетёное кресло, их взгляды снова пересеклись. Её это позабавило.

– Так что вы хотели мне сказать, мистер...

– Кулард. Владислав Кулард. К вашим услугам, мадемуазель, – он склонил голову, и вновь Офелию удивили золотистые искорки в его глазах. Он подозвал официанта и заказал кофе по-турецки. – Вы знаете, что именно в Венецию впервые привезли кофе прозорливые купцы?

– Слышала об этом, – Офелия улыбнулась, но улыбка не затронула её глаз. Рука под столом нащупала верный «ремингтон» на бедре. Незнакомец всё больше не нравился ей. Обычно она чувствовала запахи тела, даже тщательно скрытые духами и лосьонами. Но от этого человека пахло исключительно одним дорогим одеколоном. Словно перед ней сидел манекен. – Чем вы занимаетесь, мистер Кулард, когда не пьете кофе в Венеции?

– Я скромный военный инструктор, – собеседник откинулся на спинку кресла. – Мотаюсь по миру...

– Как стервятник? – в голосе Офелии зазвучал лёд. – Вы наёмник. И сражаетесь за ту сторону, которая предложит больше. Разве нет?!

– О, вы меня раскусили, – мистер Кулард рассмеялся и сделал это абсолютно искренне. – Да, меня можно назвать и так. Я сражался в Алжире, Судане, был в Севастополе и еще тысяче разных мест.

– Что же вы делаете в Италии? Здесь нет войны, мистер Кулард.

– О, мадемуазель...

– Офелия.

– Прекрасное имя для прекрасной дамы, – он снова склонил голову, признавая очевидное. – Так вот, мадемуазель Офелия, война скоро начнётся. И я собираюсь оказаться в самом центре событий. В первом ряду, так сказать.

– Вам нравится война?!

– Это моё призвание, не побоюсь этого слова. Это то, для чего я был создан.

– Мне странно это слышать, – Офелия склонила голову. – Обычно люди стараются избежать её.

– Чтобы начать новую. *Si vis pacem, para bellum*¹⁷, – он снова улыбнулся. – Человечество заливало мир кровью тысячелетиями. И сейчас готовится открыть новую страницу. Никогда у нас не было столько новых приспособлений для уничтожения себе подобных. Разве это не чудесно?! О, эта эпоха пара и электричества!

Офелия отметила, что он действительно восхищён и, словно гурман, смакует новое блюдо, приходя от него в совершеннейший восторг. Она впервые встретила человека, так откровенно наслаждающегося страхом и ужасом. И это вызывало в ней чувство антипатии и отторжения.

– Почему вы думаете, что война скоро начнётся, мистер Кулард?!

– А вы разве не чувствуете это в дыхании ветров, в стуке дождя по стеклу, – продолжал он. – Природа словно говорит за нас, шлёт нам знаки, но мы в своей гордыне игнорируем их. Словно уже решили, что стали повелителями мира. Подставьте лицо дождю, закройте глаза, и вы тоже почувствуете это.

¹⁷ Латинская пословица (рус: «хочешь мира – готовься к войне»)

– Я обязательно так и поступлю, мистер Кулард. Но ваши слова встревожили меня. Кроме законов природы мы живём среди людей и государств. Что же натолкнуло вас на мысль, что в центре старушки Европы разразится война?

– Кто говорит о центре, мадемуазель Офелия, – он пригубил кофе и кивнул официанту с благодарностью. Когда тот удалился, он продолжил: – Всё начнется на окраинах Империи. Возьмите Балканию. Это же пороховой погреб. Нужна лишь искра, чтобы полыхнуло. А следом за ним пожар войны охватит и Европу с её «золотым веком».

То, как он говорил, спокойная уверенность действительно вселяла в Офелию страх. Мирная беззаботная жизнь, протекающая рядом с ней, показалась не такой спокойной. Она едва не поддавалась желанию убежать и спрятаться. Венеция больше не казалась ей прекрасной и романтической. Зажглись фонари, афиши и город превратился в яркую картинку.

– Позвольте, я провожу вас, – он поднялся, предложив ей руку. Подумав, она приняла приглашение. – По вечерам здесь просто великолепно.

– Великолепно здесь было до ваших предсказаний, мистер Кулард, – Офелия скептически вздернула бровь. – А теперь мне хочется выехать из гостиницы и отправиться на другой континент. Подальше от картины, нарисованной вами.

– Может, это будет правильным решением, мадемуазель Офелия, – он неожиданно показался ей грустным, но это видение продлилось буквально секунду, и в следующее мгновение он снова улыбался. – Наверное, я просто слишком долго занимаюсь войной. Она прочно въелась в мои кости.

– Но ведь можно всё изменить, – она слегка сбавила шаг и заглянула в глаза своему странному попутчику. На миг ей показалось, что глаза его отливают красным, но она списала это на игру света. – Заняться чем-то иным.

– Не в моем случае, прекрасная Офелия. Не в моём случае, – он отвернулся и рука, на которую она опиралась, дрогнула. – Я такой же заложник своей природы, как и вы.

– Как и я? Что вы имеете в виду, мистер Кулард?

– Лишь то, что почувствовал в вашей крови. То, что я не услышал в вашем сердце, которое не бьётся. Сколько? Лет двести, не так ли? Вы молчите, а значит, я прав. Могут обмануть глаза и улыбки, слова и обещания. Но не пульс крови и стук сердца.

Он снова улыбался, но теперь Офелия рассмотрела клыки в его рту. Она хотела вырвать руку, но оказалось, что Кулард не собирается её удерживать, и она передумала. Они продолжили идти по улице:

– Кто вы, прекрасная Офелия? Вы не одна из наших. Их я чувю за милю. И вы не одна из древних пантеонов.

– Я просто долго живу, мистер...

– Зовите меня Владом.

– Тем самым?!

– Да. Только не называйте Цепешем или Колосажателем. К половине приписанных мне грехов я не имею никакого отношения.

– А к остальной половине?

– Виновен. Но, поверьте, мне далеко до вашего Джека Потрошителя. Я убиваю, чтобы жить, а не из прихоти или большого воображения.

– Поэтому с таким воодушевлением рассказывали о войне?! – Офелия снова взглянула в глаза своему спутнику.

– Да. Война даёт мне возможность скрывать свою сущность. И хоть иногда забывать о том, кто я такой и сколько живу. Только в пылу сражений я снова становлюсь Владом Дракулой, господарем Валахии.

– Это невыносимо тяжело, на мой взгляд, – Офелия остановилась, глядя на канал, в котором отражались звёзды.

– Тяжко. Но я привык. А как вы справляетесь с этим?

– Просто живу. К счастью, мне не нужно пить кровь, – она усмехнулась, чувствуя, что напряжение, охватившее её с начала беседы, уходит.

– Это многое решает, поверьте. Если бы я мог что-то исправить, я бы сделал это. Но я такой, какой есть. И пути назад у меня нет, – он замолчал, и некоторое время они просто смотрели на воду. – И я почувствовал серебро в вашем пистолете. С кем вы встречались?

– С оборотнем в Шварцвальде. Пару лет назад.

– Жуткие твари, – Кулард поморщился. – Никаких манер, одни инстинкты. Но они тоже часть этого мира. Как это ни странно. Где вы остановились?

– «Palazzo Giovanelli».

– Я провожу вас. Тем более, здесь недалеко...

Она выпила остывший кофе и посмотрела на так же проносящуюся внизу спящую Европу. Слова Дракулы о грядущей войне всплыли в её памяти. Она покосилась на прощальный дар бессмертного вампира, висящий на её шее. Маленькая серебряная подвеска в виде розы при нажатии раскрывалась, являя лик Богоматери. Серебро потемнело от времени, но металл был почему-то всегда тёплым, словно скрывал нечто особенное. «Носите её всегда, не снимая. И пусть она оберегает вас так же, как и меня когда-то».

Она еще не знала, что где-то там, в далёкой-далёкой Боснии, никому не известный юноша по имени Гаврила¹⁸ никак не мог уснуть, ворочаясь во сне. Вскикивал, пил воду, снова и снова проверял свой пистолет. Завтрашний день обещал ему вечность...

¹⁸ Гаврило Принцип – сербско-боснийский революционер-националист, член тайной организации Млада Босна, получивший известность тем, что 28 июня 1914 года в Сараево застрелил австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софию, что послужило поводом к началу Первой мировой войны.

Механический ангел

Офелия отстранённо смотрела на языки пламени, танцующие на дровах в камине. Веки сами, казалось, тяжело рухнули вниз, закрывая глаза. Какое-то время она еще боролась со сном, но победить бога Морфея не под силу людям. Особенно, если день был тяжел и долог, а погода дождлива. Сегодня она с утра ходила по блошиному рынку, что раскинулся на Portobello road. Время пролетело незаметно, и она пришла в себя только тогда, когда желудок стал безобразно квакать, требуя подачки. Офелия обожала ходить по рынкам, часто просто без цели. Она перебирала десятки вещей, пропуская через свои руки целые эпохи, судьбы и забытые истории.

Её привлекала доступность вещей, которые она могла там наблюдать. Ей нравился даже запах старых вещей, как в лавке еврея-антиквара. С годами она определила места, где бывать ей более чем нравилось. Те несколько осколков совершенно другого мира, что не менялись даже после смерти своих владельцев. Офелия взглянула на свой рабочий стол, на котором лежала сегодняшняя «добыча». Скупленные без всякой видимой цели предметы и детали. Она купила неполную колоду карт Таро, в которой не хватало нескольких младших арканов. Объективно это был мусор. Но она сама придумывала историю приобретенным ею вещам. И в её глазах стоимость их сразу возрастала. Ей нравилось думать, что эту колоду рисовал какой-то мистик египтянин несколько тысяч лет назад, скрывая за точными линиями рисунков потаённый смысл.

Рядом расположился медвежонок без глаза. Иллюзия детства, которого у неё так и не случилось. Перебирая дома сундук с женским рукоделием, она присмотрела чёрную пуговицу взамен утерянного глаза. Отложив на потом неизбежный ремонт, она сосредоточилась на последнем приобретении. Это была полуразобранная сфера из странного мягкого металла. Словно ракушка-сувенир, она была покрыта странными письменами, отдалённо напоминавшими арабскую вязь. В сфере явно недоставало запчастей. После длительного изучения Офелия пришла к выводу, что это часть какого-то механизма. Понять его функцию и назначение ей не представлялось возможным, и она отложила сферу, рассчитывая вернуться к ней позже. И как это часто бывало, забыла о ней на долгое время.

Однажды посреди ночи она проснулась от звука тихого голоса, звавшего её по имени. Почудилось?! Офелия села в кровати, завернувшись в одеяло. Она замерла, стараясь услышать разбудивший её звук, но в доме снова воцарилась тишина. Поворочавшись, она уснула, и почти сразу ей приснился странный сон. Ей снился вагон-ресторан в несущемся паротяге. Вечернее небо было цвета пролитого коньяка. На чистой скатерти стояла сфера, только целиком собранная. Спустя два удара сердца перед столом Офелии оказался мужчина средних лет, одетый по последнему слову моды. Он молчал и пристально смотрел на неё слегка насмешливым пронзительным взглядом.

– Я могу присесть? – его голос был ему под стать. Такой же насмешливый, но в то же время в нём чувствовался какой-то животный магнетизм. Обычно обладатели подобного голоса были военными, политиками или альфонсами, что вкуче безотказно действовало на женщин любого возраста и социального статуса. Офелия же только пожала плечами и указала на стул:

– Присаживайтесь. Ведь в своем сне я могу позволить себе всё что угодно. Любую глупость.

– Никто не сказал, что это сон, Офелия.

– Никто не сказал, что вы не плод моего усталого воображения.

– Тише, – незнакомец засмеялся, затем подался вперёд: – вы знаете, что это за штука перед вами?

– Нет. Как и не знаю вашего имени. Но ведь во сне это и не важно.

– У меня слишком сложное имя, моя дорогая Офелия.

– Ну вот опять! Вы зовете меня по имени так, будто я вам его называла. А мне остается лишь звать вас милсдарь, сударь, милорд или сахиб¹⁹?!

На мгновение лицо незнакомца дёрнулось, словно в приступе гнева или брезгливости. Но он великолепно владел собой и тут же расплылся в улыбке:

– А вы не так просты, как могли бы показаться на первый взгляд. Наверное, поэтому «Mala somnia»²⁰ и выбрала тебя, – он внезапно перешёл на ты, продолжая улыбаться. Но теперь от его улыбки несло приторностью и фальшью, чего в мужчинах Офелия на дух не переносила. Её настороженность не ускользнула от его внимания. Он подался вперёд:

– Чего вы хотите?!

– Вы у меня спрашиваете, мой таинственный незнакомец?! – она не скрывала сарказма в голосе. В это мгновение костюм незнакомца изменился, став попросту откровенным. Шёлковая рубашка нежно-бежевого цвета открывала мощную грудь. Облегающие штаны, казалось, держались из последних сил, чтобы не сползти. Температура в ресторане поднялась на несколько градусов. Свечи сменили свой цвет на чёрный, источая тяжёлый запах лотоса.

– Я выполню любую твою просьбу, маленькая Офелия. Одно твоё слово и...

Она резко проснулась оттого, что кто-то укусил её за ногу. Подскочив на кровати, Офелия с удивлением увидела у себя на одеяле огромного чёрного кота. То, что зверюга была уличной, не оставалось никаких сомнений. Грязная, свалывшаяся местами шерсть, оторванное, либо откусанное в драке ухо. Да и весь его внешний вид выдавал разбойника до мозга костей. От удивления, что в её квартиру забрался зверь, Офелия сперва не нашла в себе сил прикрикнуть на нахала. А кот тем временем, издав душераздирающий мяв, спрыгнул с кровати. Она мельком взглянула на окно, занавешенное тяжёлой шторой. Закрыто!

– Вот чёрт! – помянув нечистого, Офелия вынужденно слезла с кровати, с опаской поглядывая на ночного визитёра. Кот, в свою очередь, пристально следил за хозяйкой квартиры взглядом горящих зелёных глаз. Едва она двинулась в его сторону, разбойник издал звук спущенного колеса, прижав уши к голове.

– Ладно тебе! – прикрикнула на него хозяйка жилья. – Это мой дом, слышишь?! Если хочешь в нём остаться, веди себя прилично!

Словно понимая её речь, зверюга мигом сменил гнев на милость. Прижатые уши вновь встали торчком, даже надкусанные. Хвост, обмахнув несколько раз бока, улегся мохнатой гусеницей. Кот вперил в неё вопросительный взгляд, словно спрашивая, когда в этом доме кормят милых котят. Дивясь мгновенной перемене, Офелия едва не забыла о том, как ночной гость попал в закрытую квартиру. Но взгляд её упал на давно потухший камин и следы сажи вокруг него.

– Ах ты, трубочист эдакий! – засмеялась она, не скрывая облегчения. – Вот как ты здесь очутился! Ну что ж, пойдём к леднику. Мне кажется, там было молоко. И мясо, – подумав, добавила она.

Пока кот насыщался, Офелия, сидя рядом, внезапно вспомнила весь сон до мелочей. Внезапно ей послышался смех незнакомца, далёкий, словно мираж. «Разыгралось воображение» – решила она. Но кот отреагировал молниеносно. Только что он пил из миски молоко, и вот уже со вздыбленной шерстью и выгнув спину встает между Офелией и зеркалом, висящим в прихожей. Сказать, что её это не напугало, было бы ложью. Едва сдерживая дрожь, она подошла к зеркалу. На тёмном фоне выделялось её бледное лицо. Пока зажегся свет лампы, ей казалось, что в отражении она видит себя в дыму. Ничего подобного она не припомнила

¹⁹ (Также саиб, сагиб) – вежливое название европейца в колониальной Индии.

²⁰ (С лат. – скверные сны).

и списала на переутомление, и недосып. До рассвета оставалось еще несколько часов, и она решила лечь спать. Наличие кота её только успокаивало.

Но едва пришёл сон, вместе с ним она вновь оказалась в ресторане несущегося в никуда паротяга. И снова навстречу ей шёл таинственный господин. Правда, в этот раз он не улыбался, приятное лицо исказила ярость:

– Ты! Ты привела в дом эту тварь! Ты не понимаешь, что делаешь. Прогони его прочь!

– Для моего собственного сна ты слишком навязчив, незнакомец, – Офелия начинала злиться. – Я спрашиваю последний раз, кто ты и что тебе нужно?! Если ты и сейчас продолжишь играть в сфинкса, то убирайся из моего сна навсегда!

Лицо незнакомца поплыло, менялись черты, словно песчаные фигуры. Тело его тоже раздалось, обрастая мышцами, становясь выше и мощнее. Спустя несколько мгновений он нависал над нею словно скала. Вскочив со стула, Офелия захотела проснуться и не смогла. Её словно что-то держало в этом сне, не давая покинуть ставший опасным мир грёз.

– Я – Сантиразэль, глупая девка. Ты думала, что останешься вне нашего внимания, изображая смертную?! Тогда ты еще глупее. Даже то, что ты призвала Защитника, тебя не спасёт. Это мой мир и ты останешься в нём навсегда!

Если бы сердце Офелии билось, оно бы ушло, как говорят люди, в пятки. Внезапно все ночные страхи и пережитые ею ужасы обрели свою форму. Вернее было бы сказать, кукловода. Отступая от надвигающегося на неё демона, принявшего свою истинную форму, она случайно наткнулась на сферу, упавшую со стола во время их краткой беседы.

– О, «Mala somnia» сама просится тебе в руки. Возьми же её, вдруг это оружие против тьмы! – расхохотался кошмар. – Бери же её скорей!

Но тон, которым это было произнесено, говорил об обратном. Офелия пнула сферу, и та отлетела в сторону, гулко стукнувшись о стойку бара. Демон, раскинув в стороны лапы, издал вопль ярости:

– Эта вещь достаточно ценна, чтобы вырвать тот шмат мяса, которое ты по недомыслию считаешь своим сердцем. Не нужно убегать, моя маленькая глупышка, мой мир уже принял тебя. Разве ты не чувствуешь, как легко здесь дышится?! А тело приобретает лёгкость, с которой так и хочется взлететь. Только взлететь не получится, – голос его сорвался на рык. – Потому что крыльев уже нет. Их съжёт огонь Всевышнего!

Демон Сантиразэль издал вопль, в котором слышалась застарелая боль. А самой Офелии становилось всё труднее дышать, словно кто-то положил тяжёлый камень на её грудь. В этот миг демон настиг её и ударил лапой. Четыре кровавые полосы перечеркнули её плечо и грудь. Её словно парашютик одуванчика отбросило на переборку. Крик боли против её желания огласил пространство адского вагона. Неожиданно за её плечом раздался треск разрываемой ткани, и в вагон словно ворвался ветер с горных вершин, чистый и радостный. Мимо её плеча пронёсся порыв шторма, и в демона ударился луч света. Сквозь слёзы боли Офелия наблюдала, как Сантиразэль сражается с кем-то, меньшим по размеру, но столь же яростным. А вскоре крик боли вырвался из груди демона, и стены вагона задрожали. Деревянная обшивка сочилась тёмной кровью. Запах железа щекотал ноздри. Некто, пришедший ей на выручку, вторично ранил демона, а реальность кошмара стала таять. Дышать стало легче.

– Уходи! – крикнул некто, источающий чистый свет. Офелия дёрнулась изо всех сил, но тенета Сантиразэля были еще слишком сильны и её невольный защитник понял это быстрее неё. С криком праведного гнева он ринулся в новую атаку. Отбрасывая врага вглубь вагона или того, что от него осталось. Сквозь плавающую крышу она видела кровавое небо, изливающее миазмы ядовитой крови.

Неожиданно демон ударом руки отбросил от себя напавшего и, задрав голову, провыл нечестивый призыв. В конце вагона появились твари, отдалённо напоминающие собак.

– Адские гончие, – прохрипел молодой черноволосый мужчина, левая половина лица которого представляла один сплошной шрам. – Ненавижу гадских собак.

Сплюнув, он поднялся и, подмигнув Офелии, снова ринулся в атаку. Его руки замелькали с умопомрачительной скоростью. И не успели гончие добраться до места боя, как Сантиразэль, издав тонкий крик, рухнул в проход, перегородив отвратительным псам дорогу. Черноволосый схватил железную ножку от стола и со всей силы опустил её на сферу. Раздался треск скорлупы и в глазах Офелии потемнело. Воздух с силой ворвался в её лёгкие. Она сделала глубокий вдох и... проснулась.

Она всё так же лежала в своей кровати, только постельное бельё было всё заляпано дурно пахнущей жидкостью, которая испарялась прямо на глазах, оставляя после себя жирные пятна. Она ощупала себя. Всё на месте. Внезапно она вспомнила. Кот! Но животное сидела на полу возле кровати с видом победителя Трафальгара²¹. Шерсть его потускнела еще больше, в некоторых местах она даже дымилась, хотя этот факт Офелия была склонна списать на шок. В остальном же кот выглядел вполне довольным жизнью и особенно собой.

– Я назову тебя Ангел, – прошептала Офелия, поднимая кота на руки.

²¹ Историческое морское сражение между британскими и франко-испанскими морскими силами. Произошло 21 октября 1805 года у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании около города Кадис. В этой решающей морской битве времён Наполеоновских войн Франция и Испания потеряли двадцать два корабля, в то время как Великобритания – ни одного. Во время сражения погиб командующий английским флотом вице-адмирал Горацио Нельсон.

Новая глава

– Просто чудесно! – прохрипела Офелия, из последних сил цепляясь за ржавый ливневый сток. Престарелый металл, весь покрытый неблагородной ржавчиной, отчаянно сопротивлялся неизбежному. Но и ему, и ей было понятно – сил для этого у обоих недостаточно...

Позднее лето или ранняя осень в Лондиниуме пахли яблочным сидром, тыквами и начинавшей преть листвой. Часто в эту компанию затёсывался привкус корицы, доставляемой из доминионов. В эти дни даже шум моторов паромобилей и другой техники становился сродни сельской идиллии. То самое время, когда суровые бритты выглядят почти дружелюбными. Ей редко удавалось застать это время здесь, словно что-то гнало её прочь из города. Либо вглубь страны, либо на материк. Но в этом году время словно сжалилось, подарив ей несколько дней благословенного «ничегонеделания».

Офелия бродила по улицам и скверам, пиная листья. Сидела в открытых кафе, грея руки о чашку горячего шоколада.

...Железные маски всё больше входили в моду, словно шрамы на лицах людей появлялись всё чаще. Или Господь, в мудрости своей, стал обделять красотой всех подряд. Она неизменно улыбалась этому сравнению, но пока так и не подошла к пониманию новой моды. Прикрыв глаза, она представляла себе другие места, людей, эпохи. Осень почему-то казалась ей исключительно европейским временем года. Нигде больше так не чувствовался бег времени, и так остро не сопереживалось увяданию.

Вездесущие разносчики газет (как утренних, так и вечерних) выкрикивали названия самых ярких происшествий, привлекая внимание покупателей. Неожиданно Офелия напрягла слух.

«Убийство в Блумсбери!», «Жестокое убийство в доме профессора Роуэна!»

Она купила газету и отправилась домой. Всё-таки этот мир принадлежал мужчинам, прилюдное чтение газет оставалось их прерогативой. На женщину, поступающую по-своему, смотрели бы косо. Что она вынесла из прочитанного? Ничего. Профессор был убит с особой жестокостью прямо на дорожке возле дома. Почему судьба именно этого профессора (а не сотен других) взволновала бриттов? Всё дело в том, что профессор Чарльз Роуэн занимался раскопками, часто выставляя в галереях свои находки. Правда, злые языки утверждали, что профессор связан с чёрным рынком. А некоторые вовсю клеймили его как расхитителя гробниц. Но профессор был связан с двором Её Величества и плевать хотел на всякие газетные «утки».

Офелия отложила газету и задумалась. Не далее как вчера была анонсирована новая выставка профессора. Около двух лет он провел в Хиндустане и привёз оттуда огромную коллекцию древностей. Противники Роуэна тотчас выступили с новыми обвинениями. Но его ответной реакции так и не последовало. Всё это очень, очень странно... Она собралась уже выйти из дома, но её опередил звук дверного колокольчика. Гости! В этом доме не было гостей многие годы. И сам дом, и хозяйка слегка заржавели в том, что касается приема. Но едва звук колокольчика стих, Офелия проследовала в прихожую. У двери стояли двое джентльменов разного возраста и, поколебавшись, она всё-таки открыла дверь.

– Добрый вечер, мисс Офелия, – начал старший. – Меня зовут Родней Сталхёрст. Адвокат. Со мной находится сэр Николас Роуэн, владелец Айрин-кросс. Он...

– Он старший сын Чарльза Роуэна, имеет степень бакалавра в области истории искусств. Занимает должность на кафедре Университета.

Если адвокат и удивился, то никак не выдал своего изумления. Юноша, о котором шла речь, имел бледное лицо с горящими глазами безумца, либо человека, находящегося в крайней степени возбуждения. Он постоянно двигался, млял руками невидимый платок, заламывал

руки. В общем, вёл себя странно. Пригласив джентльменов в гостиную, она вышла на кухню поставить чайник. Служанки у неё не было, поэтому гостей обслуживать пришлось тоже ей.

– Мы слышали о вас от одного нашего друга, мисс Офелия, – начал адвокат. Юный Роуэн всё это время обводил взглядом комнату хозяйки, пока его не одёрнул адвокат. Его холёное лицо сразу не понравилось Офелии, а тонкие усики над верхней губой словно провоцировали её на смех.

– И это странно, сэр Родней, – она пожала плечами. – В Лондиниуме у меня нет друзей. Адвокат не смутился:

– О, я говорил о нашем друге, сэре Шерлоке Холмсе.

– Знаменитый сыщик. Не думала, что попаду в поле его зрения.

– Спешу вас заверить, он не имел в виду ничего дурного. Дело в том, что мы обратились к нему с нашей просьбой. Но он не смог взяться за наше дело, передав записку с вашим адресом.

На кухне засвистел чайник, и это дало ей время собраться с мыслями, начавшими разбегаться подобно тараканам. Вернувшись в комнату, она заметила, что юный Роуэн внимательно изучает её коллекцию оружия.

– Интересуетесь?!

– Немного, – неожиданно смутился он. – Отцу всё это нравилось больше.

– Тогда давайте выпьем чаю и поговорим о том, что действительно привело вас ко мне, джентльмены.

Когда спустя час они отбыли, Офелия, задумавшись, уселась у окна. Сталхёрст просил расследовать это дело параллельно с полицией. Мистер Шерлок Холмс отказался ввиду срочного дела, требующего его присутствия на континенте. Откуда он знал о ней? Вот что гложило её. Она не сыщик. Не детектив Скотланд-Ярда. Она...

В конце концов, она согласилась. Ей было интересно, да и глаза юного Роуэна полнились такой печалью, что отказать было не в её силах. Вечером она прибудет к дому, что бы всё осмотреть без зевак. Хотя после сыщиков шотландского двора делать, как она считала, там будет нечего. Далёкий рёв гудка прибывшего паротяга выдернул её из пелены раздумий. Офелия собиралась дольше обычного. К привычному уже «ремингтону» она взяла пару ножей. Отдельно сложила пули из серебра, памятуя о встрече с оборотнем. В общем, хотела быть во всеоружии.

Выйдя на улицу в то время, когда повсюду стали зажигаться фонари, а люди странным образом сменяли профессии, она поймала кэб²² и отправилась на встречу.

Дом профессора не обманул её ожиданий. Всё так, как она себе и представляла. Сад выполнен в стиле японского ландшафтного искусства, ворота явно вывезены из Поднебесной. И у ворот, и дальше в саду стояли статуи духов-хранителей. Конечно же, оригиналы. Жутковатое местечко, недаром сын не разделял страсти отца к истории других народов. Только кэб остановился, как у ворот оказался слуга индус с фонарем в руке.

– Прошу следовать в дом, госпожа, – на безупречном бриттском наречии произнес он. Слуга был стар, вышколен и, видимо, предан этому дому, так как за поясом у него Офелия рассмотрела огромный кинжал. Зная о долгой борьбе за независимость их народа, казалось маловероятным, что слуге дадут разгуливать по дому с родовым оружием.

– Покажи мне место, где погиб твой хозяин, – попросила Офелия. Слуга ничуть не удивился просьбе:

– Прошу следовать за мной, госпожа.

Он повёл её вглубь сада, где от древности и редких растений начинало рябить в глазах. Место преступления было отмечено жёлтой лентой.

²² (Англ. cab ← cabriolet) – наёмный экипаж на конной тяге, распространённый преимущественно в Великобритании в XVII—XIX веках. Вмещал кроме кучера от одного до четырёх пассажиров.

– Хозяин лежал здесь. Уже был мёртв, когда Джавдет его нашёл, – он провёл по горлу четырьмя скрюченными пальцами. – Вскрыто от уха до уха. Я осмотрел землю вокруг сразу, как только понял, что хозяин мёртв. Никаких следов. Полиция сказала то же самое. Словно он сам вскрыл себе горло.

Тело, естественно, забрали в морг. И добраться до него не представляется никакой возможности, но что-то подсказывало Офелии, что тело ей и не понадобится. Она осторожно прошла по дорожке, слуга предусмотрительно шёл следом, держа старомодный фонарь.

– Хозяин не любил новые изобретения. Ему нравилось жить прошлым. Так нравилось, что даже госпожа ушла, не выдержав этой любви. Остался только он и юный Николас. А теперь один только Николас.

Судя по всему, – сделала заключение Офелия, – умер старший Роуэн на месте. Не было погони, борьбы за жизнь. А была только молниеносная смерть... Странно. В наше время, рассуждала она, проще убить издалека. К чему подбираться к старому профессору вплотную? Всадить нож можно в толчее на улице, в Опере. Офелия снова задумалась и не заметила, как из дома вышел Николас Роуэн.

– Я ждал Вас в доме, пока Джавдет не сказал, что Вы осматриваете сад.

– Так всё и было, юный сэр Николас, – произнесла она, присаживаясь в кресло. Хиндус уже принял её пальто и саквояж. – Мне хотелось бы прояснить один момент, если вы не против.

– Против ли я?! О нет, что Вы! Спрашивайте, мисс Офелия.

– Какого рода травмы были нанесены вашему отцу?

Юноша замялся, словно не желая обсуждать смерть близкого ему человека с посторонней. Затем собрался с силами:

– Ему вскрыли горло. Словно одного раза ему было недостаточно, убийца сделал это четырежды. Так мне сказали сыщики. Всё вокруг было в его крови, – голос юного Роуэна дрогнул, на глаза навернулись слёзы. – Хотя мне показалось, что эти следы похожи на когти дикого зверя.

– В Британии не осталось диких животных, – напомнила ему Офелия. – Тем более таких, что могут спокойно вскрыть горло здоровому взрослому человеку. Это нонсенс.

– Я согласен. Но, увы, отца это знание, к сожалению, не вернет.

– Всё верно. Не вернёт. Но мы должны приложить все свои силы, чтобы выяснить, что же произошло с вашим отцом.

Покинув дом Роуэна, Офелия направилась в сторону своего жилища. Отсутствие следов, свидетелей и мотива преступления делали расследование достаточно сложным. Всю ночь ей снились какие-то ребусы, загадки и бегущие мертвецы. Так что утром она проснулась не в духе. То, что на сегодня у неё была запланирована куча дел, злило еще больше. Одна мысль, пришедшая ей в голову, не давала покоя, словно назойливый комар. От такого, пока не прибьёшь – не избавишься. Она рассуждала примерно так: «Если нет следов, не значит, что нет убийцы! Либо мы что-то упускаем, либо не видим. Но смотрим мы тщательно, значит, упускаем. Нужно еще раз взглянуть на сад».

Стук в ворота вырвал Николаса из объятий Морфея. Он всю ночь просидел над бумагами отца в надежде найти хоть малейшую зацепку. Безрезультатно. Заснул он только под утро. Слуга отца пошёл открывать. Николас слышал его голос. Затем шаги. Он хотел сперва накинуть восточный халат, но, сделав усилие, оделся полностью, чтобы встретить гостя. Вернее, гостью.

В саду всё осталось так же, как и вчера, но Офелия направилась в сторону деревьев, что располагались в стороне от места преступления. Скоро должен подойти слуга с садовой лестницей, а пока она осмотрится так. Стоило ей приблизиться к деревьям, как чувство тревоги буквально взвыло. Что-то было не так. Но Офелия упрямо продолжала осмотр. Очень скоро она нашла то, что искала. На одной из верхних ветвей она увидела четыре продольные царапины. Кора была содрана с хирургической точностью.

– Очень интересно, – прошептала она, – откуда вы здесь взялись.

Прикинув на глаз ширину царапин, Офелия с трудом дождалась Джавдета с лестницей. Белкой взлетев наверх, она буквально прикипела к находке.

– Джавдет, а какое расстояние было между порезами на шее профессора?! – спросила она спустя некоторое время. В это время в конце дорожки появился молодой Роуэн.

– Менее дюйма, госпожа.

Всё сходилось. Даже не видя тела, Офелия понимала, что следы ногтей принадлежат убийце. Но что они делают на такой высоте, да еще и так далеко от места убийства? Загадок только прибавилось. Она показала следы Николасу, чем повергла его в еще большее уныние. Сказав, что начинает чувствовать привкус мистики, он удалился в дом, по пути рассеянно обводя взглядом сад. Покачав головой, Офелия еще раз присмотрелась к следам на коре и спустилась на дорожку. Слуга расторопно убрал лестницу и пригласил её в дом, но Офелия отказалась. Присев на один из камней, Офелия смотрела на художественные заросли профессорского сада.

– Джавдет, – спросила она хиндуса, когда тот принес ей на подносе чай и сладости, – а кто ухаживает за садом? Это, наверное, очень рукастый садовник, раз сумел разбить такое чудо в центре Лондиниума?

– Раньше ухаживал старый Амит, но он совсем постарел, и хозяин освободил его от всех обязанностей. Он живет в загородном доме. Теперь приходит бритт, мистер Джентри. Но он лишь подметает и стрижёт разросшуюся траву. На большее его не хватает, – презрительно хмыкнул старый слуга. Офелия приняла предложенный чай и выпила всю чашку, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Заметив неодобрительный взгляд старого хиндуса, она рассмеялась:

– Не обижайся, Джавдет, я знаю, как вы относитесь к церемонии чаепития, просто сейчас не до смакования и раскрытия букета. Я тороплюсь.

– В этом и беда белых людей, мисс, – покачал он головой. – Вы торопитесь, потому что сами загнали себя в эти границы. Вы живёте, не чувствуя вкуса жизни, её остроты или мелких радостей. Вы любите вещи больше, чем себе подобных. И из-за этого ваша жизнь пресна на вкус. Вы живёте ради самой жизни. И в этом нет смысла.

– А в чём смысл твоей жизни, Джавдет? – удивилась Офелия, так как хиндус задел её за живое. – Ради чего ты живёшь?!

– Ради служения господину. А после его смерти – его сыну. И так до самого моего смертного часа. Старый профессор спас меня после падения Дели, и я поклялся ему в верности. Это дело чести, которая превыше всего.

Офелия удивилась, но не подала виду. Никогда не смотрела она на столь очевидные вещи под таким углом. Было даже как-то не по себе. Она допила чай и, еще раз кинув взгляд в сторону деревьев, покинула сад Роуэнов.

Была середина дня, и она отправилась гулять по музеям. К счастью, в двух шагах располагался музей египетской археологии. К его созданию профессор Роуэн тоже приложил руку. Заплатив на входе, Офелия отправилась в долгое плавание по рекам памяти. Она вспоминала, погружаясь в глубины разума, и жизнь вокруг неё словно замирала. Внезапно она остановилась около статуи Беса, древнеегипетского божества веселья и защиты от злых духов. Никто из европейцев не угадал бы в маленьком волосатом карлике защитника от злых сил. Его образ был отвратителен, неудивительно, что христиане переняли его для своей собственной мифологии. Офелия вспомнила статуи духов – хранителей у входа в сад. Их оскаленные лица могли напугать кого угодно. Неожиданно новая мысль пришла ей в голову. Путь к дому профессора она проделала бегом.

К счастью, дома оказались и Николас, и Джавдет:

– Скажите, Николас, а отцу не приходили письма с угрозами? Или странные посылки?

– Нет. Да... А что?

– Так приходили?!

– Да. Неделю назад из Хиндустана. Отец очень ждал её, но когда она пришла, он очень сильно расстроился. Я думал, что его обманули. Он был в абсолютно подавленном состоянии. Думаю, это из-за выставки, которую он готовил. Он часто произносил, что теперь-то ему все поверят. Все признают, что он не только археолог, но и учёный. Он очень сильно переживал из-за сравнения с расхитителями гробниц. Отец не показывал вида, но расстраивался всякий раз, когда читал о себе в газетах.

– Могу я взглянуть на эту посылку, Николас?

– Конечно. Она на складе.

– Профессор не забрал её домой?! Не считаешь ли это странным? Столько ждать, готовить выставку и даже не забрать последний экспонат домой? Или в музей. Это очень странно!

– Теперь, когда Вы об этом заговорили, мисс Офелия, я тоже начинаю считать это не похожим на поведение отца. Что-то не так с этой посылкой.

Собравшись и вызвав кэб, они вдвоём отправились в галерею Гилдхолла²³, где должна была состояться выставка. Склады с обратной стороны галереи хранили часть экспонатов. Сторож впустил их, но сопровождать не стал, сославшись на службу и почтенный возраст. Открыв помещение отцовским ключом, Николас Роуэн сразу направился к большому ящику, вокруг которого лежали клочья соломы.

– Это он.

– Здоровая штука, – Офелия удивилась. Она ожидала увидеть обычный посылочный ящик с восковыми печатями. А здесь стоял огромный шкаф выше её роста и шире в два раза. – Откройте его.

Николас взял лежащий неподалеку ломик и, поддев крышку, с натугой отодвинул её в сторону.

– Уф, тяжёлая! А что это у нас? – произнёс он, отбрасывая солому. Неожиданно он буквально отпрыгнул от ящика:

– Ракшас²⁴! Отец купил статую демона!

Офелия с интересом приблизилась. Увиденное впечатляло, хотя на хиндусов ракшас производил гораздо более сильное впечатление. Статуя напоминала человека с уродливой головой, носом, напоминающим хобот слона и клыками, наподобие кабаньих. В то же время его черты напоминали птичьи, а длинные могучие руки, коих насчитывалось не менее десятка, оканчивались когтями. Одеждой он напоминал хиндусов, но она должна была трещать на нём по швам, столь могучим выглядел ракшас.

– Красавец, ничего не скажешь, – произнесла Офелия. – Он, несомненно, украсил бы выставку вашего отца, Николас.

²³ Здание в лондонском Сити, на протяжении многих лет бывшее резиденцией лорд-мэра. В период римского правления на этом месте располагался крупнейший в Британии амфитеатр. Нынешнее здание возведено в 1411—1440 годах, при этом до нашего времени сохранились подвалы, относящиеся к более давним временам. Гилдхолл – единственное каменное здание, не являющееся церковью, пережившее Великий пожар 1666 года, хотя его крыша пострадала при этом пожаре и была восстановлена к 1670 году. В настоящее время в здании проводятся различные официальные мероприятия, также здесь размещаются художественная галерея, библиотека и музей часов.

²⁴ Ракшасы – злые демоны индийской мифологии, великаны-людоеды, ночные чудовища и оборотни, обитатели кладбищ, трупоеды и источники болезней, извечная помеха во время жертвоприношений – это все ракшасы, враги богов и людей (правда, скорее людей). Ракшасы обладают огромной силой и могут принимать любой облик: звериный, птичий или человеческий (а то и вовсе в виде бесформенной шевелящейся массы кишок, костей, шупалец...) Перед человеком могут предстать и в виде его жены/мужа, брата, знакомого и т.д. Все это делается для того, чтобы обмануть человека и нанести ему какой-либо вред. Ракшасы являются очень жестокими существами, которые презирают людей и не прочь полакомиться их плотью. Они великие мастера иллюзий и используют это умение, чтобы завоевать доверие жертвы, а потом напасть исподтишка. Тем не менее, ракшасы имеют определенный кодекс чести и не прочь сразиться в «честном бою» (ежели не сомневаются в своем триумфе). Война является для них любимым времяпрепровождением.

Приблизившись, она протянула руку, чтобы узнать, из какого материала выполнена статуя, да еще так реалистично. Как вдруг взгляд её упал на одну из лап чудовища. Когти его были вымазаны чем-то, подозрительно смахивающим на кровь. Офелия подняла глаза, и... холодок пробежал по её спине. Глаза ракшаса открылись, он издал крик, напоминающий клёкот орла, и одним ударом разнёс ящик. Ей не оставалось ничего другого, как неэлегантно отпрыгнуть в сторону. «Ремингтон», мгновенно перекочевавший в руку, выплюнул первую порцию свинца. Но, как она и подозревала, пули выбивали из статуи куски камня, не давая видимого эффекта. Ракшас, видимо, еще не пришедший в себя, выл, размахивал лапами, натываясь на остальные ящики.

– Николас, беги! – крикнула она, с облегчением заметив, как юноша покинул склад. Игра в героя сейчас только бы помешала. Офелия, не выпустившая из рук саквояжа, пыталась достать серебряные пули, надеясь, что хоть это сработает. Однако ракшас приходил в себя быстрее, чем ей хотелось бы. Она выскочила со склада, на бегу пытаясь перезарядить револьвер. Удар страшной силы сорвал двери с петель, и ракшас явил себя во всей красе. Крик сторожа сорвался на тонкий визг и вскоре затих где-то в лабиринте улиц. Вынужденная заминка дала Офелии время перезарядить пистолет и первая пуля, оставив в воздухе серебристый след, ударила ракшаса в грудь. Огромный кусок камня отвалился, а статуя (или сам ракшас), издав еще более душераздирающий вой, неожиданно развернулась и побежала. Чертыхнувшись, Офелия бросилась следом. Но оказалось, что преследовать ракшаса дело не из простых. Будто не зная о законах физики, тварь взмыла в воздух, приземлившись на крыше двухэтажного дома. Осколки черепицы дождём посыпались вниз. Офелия бежала следом, пытаясь прицелиться, но вскоре оставила эту идею. Ракшас далеко обогнал её. Хотя ориентироваться было несложно – просто бежать по крикам и шуму битой черепицы.

Спустя квартал Офелия стала задыхаться и, махнув рукой, оставила преследование. Взгляд её упал на проезжающую машину с паровым двигателем. Скорость её была невелика, однако лучше, чем бежать на своих ногах. Остановив машину, она показала пистолет, что крайне облегчило понимание со стороны водителя. Дальше дело пошло быстрее, и они догнали ракшаса у Грейз-Инн-роуд. Остановившись, ракшас словно принохивался, и этого времени хватило Офелии, чтобы прицелиться. Выстрел грянул, словно удар кнута, но тварь взвыла от попадания, словно трубы в судный день. Еще один кусок камня выбило серебряной пулей. Руки ракшаса распахнулись, и он рухнул там же на крыше.

Выскочив из машины (к великой радости водителя), Офелия бросилась в дом. Грязная лестница привела её на чердак. Выбив хлипкую дверь, она выбралась на крышу. Где-то рядом ворочался и хрипел ракшас. В револьвере осталось четыре пули, поэтому стрелять нужно было наверняка – то есть в голову. Офелия осторожно ставила ноги в ботинках на кажущуюся надёжной черепицу. Ей требовалось подняться на скат крыши, спуститься и пристрелить тварь. Но едва она перелезла через конек крыши, нога её поехала, и она пролетела мимо ракшаса прямоком к пропасти в три этажа. Лишь в последний миг она уцепилась руками за ржавый ливневый сток, стонавший и корчащийся под её руками на все голоса. Пистолет лежал рядом, только дотянуться до него возможности никакой не было. Сил болтаться у неё тоже было в обрез, но едва она попыталась забросить ногу на крышу, как над ней появилась оскаленная морда ракшаса. Решение пришло внезапно. Едва ракшас оперся одной из своих многочисленных рук на крышу, Офелия извернулась и, схватив его, дёрнула что было сил. Потеряв и без того неустойчивое равновесие, тварь взвыла и рухнула вниз.

Во все стороны полетели осколки камня и разноцветные лоскуты. Тварь внизу под ней барахталась и вопила дурным голосом. Офелия же пыталась забраться обратно на крышу. В конце концов, ей это удалось. Отодвинувшись от края, она на ощупь нашла свой «ремингтон». Переборов приступ тошноты, она перегнулась через край и всадила в уже поднявшегося рак-

шаса пару пуль. Вторая пуля попала таинственному существу в голову, и та разлетелась градом осколков. Постояв секунду, тело ракшаса рухнуло, рассыпавшись каменным крошевом.

Наплевав на все правила приличия, Офелия сперва заглянула к Роуэну, отчитавшись об убийстве твари. После чего на пойманном кэбе отправилась домой. Ванна, бокал шерри и чистая одежда почти привели её в чувство. Сидя у камина, она задавалась одним вопросом – почему ожила статуя? А если это не статуя, то почему ракшас не очухался раньше. Но почему-то решила, что ответов на эти вопросы она так и не узнает.

Темное желание

Сегодня вечером Офелия выбрала красное вино. Была ли это гастрономическая причуда, или душа просила чего-то, способного помочь скоротать вечер, она и сама бы не сказала. Но глядя на огонь в камине через красную жидкость, она думала о чём-то своём, погружаясь в глубины памяти. Бокал, будто механическая игрушка, поворачивался в руке, на счастье, не издавая никаких звуков. Вино, искрясь, переливалось, призывая отбросить размышления и приобщиться к мудрости древних. In vino veritas, – провозглашали они.

Кресло, словно большой плюшевый медведь, обнимало её, не давая подняться. Она посмотрела на свои ноги, бессильно вытянутые в сторону огня. Сколько они прошли сегодня миль?! А сколько придётся пройти завтра! Офелия понимала это и внутренне содрогалась этой реальностью. Она бы всё бросила и заперлась дома. Если бы не одно «но». Она не могла. Всему виной был аккуратно сложенный лист серой казённой бумаги с вензелем почтовой службы, на котором выделялся резкий размашистый почерк.

«Г-же Офелии. Кроутон-Чёрч, 23. Прошу Вас быть сегодня возле анатомического театра в 19.00. Дело неотложное.

С уважением, Шерлок Холмс»

Получив конверт, она несказанно удивилась и решила для себя, что это чей-то глупый розыгрыш. Наподобие дурацких дуэлей, которые, несмотря на уголовное преследование со стороны Скотланд-Ярда, гремели по всей Британии. Несмотря на прямое и явное убийство, закон буксовал, когда речь заходила о представителях высшего общества. А дрались именно они, причем по всякому, даже самому пустяковому поводу. В первое время в ход шли отцовские шпаги, но очень быстро «золотая молодёжь» переключилась на огнестрельное оружие. Один выстрел – один труп. Таковы правила.

Впрочем, всё это не так сильно тревожило её, нежели состоявшийся визит к Шерлоку Холмсу. Посещение этого здания никогда не входило в число приоритетных задач. Встреча проходила именно так, как и предполагала Офелия. Еще издали она разглядела стоящего у газового фонаря высокого худощавого мужчину в опрятном пальто с тростью в руках и неизменной трубкой в зубах. Его глаза легко выделили её в толпе отдыхающих горожан. Впились на мгновение, словно дикий кот в несчастную птаху и... тут же отпустили. Знакомство состоялось!

Едва она подошла ближе, как он стремительно шагнул к ней, изящным жестом поднеся её руку к губам.

– Мисс Офелия, много наслышан о Вас, – он приподнял свою кепку. – И хочу сказать, что мои первоначальные догадки абсолютно верны. Вы чрезвычайно похожи на свой прототип.

Она недоумённо вздёрнула бровь, ошеломлённая его заявлением. Но в его серых колючих глазах зажглись весёлые огоньки, отражаясь в привычных к такому городских лужах.

– По правде говоря, только от полной безысходности я Вас отрываю от важных дел, ибо дело, которое я самонадеянно взялся расследовать, заходит в тупик. Сперва я подумал, что это кто-то из высшего света. Известные личности вроде графа Морнстона или его дальних родственников Джоурнсеев. Или Вы... о, прошу прощения, конечно же, Вы не в курсе. Давайте пройдемся и я всё спокойно Вам расскажу.

Его рассказ занял достаточно времени, чтобы пройти до остановки паромобилей на Кэвендиш-роуд и обратно. К концу повествования Офелия поняла, что собеседнику известно слишком многое. В том числе и о ней. Вот только как он распорядится полученным знанием... Впрочем, сейчас её это не волновало. Интерес вызывало другое. Кто-то убил пятерых лучших

дуэлянтов и не просто убил, а в буквальном смысле разорвал их на части. С первобытной жестокостью, словно при этом впадал в несказанную ярость.

– Майкрофт говорит, что на верхах, – тут он сделал паузу, – в полнейшем замешательстве. И терпение власть предержащих подходит к концу. В случае продолжения убийств полетят головы. И, боюсь, – тут он снова улыбнулся, только на этот раз печально, – наши с братом. Я испробовал всё. Призвал на помощь дедукцию, но, увы, безрезультатно. Убийца неуловим. И не только неуловим, но и невидим. Боюсь, что на этот раз я столкнулся со сверхъестественным проявлением адских сил, ибо других версий у меня не осталось.

Офелия не проронила ни слова за весь вечер, отстранённо разглядывая тёмное небо Лондиниума. Что-то в нём неуловимо менялось. То ли эпоха подходила к концу, то ли мир менялся стремительней, чем хотелось бы. Но изменения чувствовались, прежде всего, в людях. Она пристально взглянула на собеседника. Ей виделся мужчина, искренне верящий в правоту своего дела, готовый отстаивать интерес любого, попавшего в беду, до последнего вздоха. Но вот сейчас ему самому требовалась помощь, и горизонт был чист. Помощь не придёт! Ей просто неоткуда взяться. Мучил один вопрос, причём давно. Откуда сыщик, пусть и великий, вообще мог узнать о её существовании. Ведь она ни с кем не делилась своей сокровенной тайной. Но поразмыслив еще, Офелия решила не заострять на этом внимание.

– Я постараюсь помочь, мистер Шерлок Холмс, но, – тут она взглянула прямо в его глаза, – ничего не обещаю. Честно говоря, не думаю, что там, где не справился Ваш прославленный гений, удастся добиться успеха прожигательнице жизни вроде меня.

– Счастлив буду любой помощи, – склонил он голову. – Мне очень не хватает Джона, – промолвил он с грустной улыбкой. – Его скептицизм всегда выручал меня в запутанных делах, но таков удел холостяков. Мы, в конце концов, остаёмся одни.

Расстались они, как ей показалось, полностью довольные друг другом. Всё, что смог обнаружить сыщик, помещалось в небольшом конверте поздравительного образца. И сидя сейчас у камина, Офелия лениво наблюдала, как жадное пламя обгладывает брошенный в него конверт. В руке, свободной от бокала, она держала два листка бумаги с печатями Скотланд-Ярда. Один был заключением врача о результатах вскрытия, другой – опись с места преступления. Документ о вскрытии заставил её поморщиться. Люди так не убивают. Либо убивают в состоянии, о котором писал бедный юный глупец Генри Джекил в своей предсмертной записке.

Она пригубила вино и с удивлением заметила, что бокал уже опустел. Потянувшись и взглянув на часы, поняла, что просидела большую часть ночи. Камин почти погас, а растапливать его заново Офелия не собиралась. Завернувшись в клановый плед скоттов, она прошествовала в спальню и уснула, едва голова её коснулась подушки.

С утра энергия буквально переполняла Офелию. Хотелось двигаться, бросаться на невидимого врага, но, взяв себя в руки и позавтракав холодными тостами с кофе, она принялась за утренний туалет, когда стук в дверь прервал её начинания. Пройдя босиком по холодным камням, она приоткрыла дверь. Вместе с запахами города и морозным утренним воздухом в квартиру ворвался гул пролетающего над домом дирижабля. За нею стоял мальчишка в поношенной форме почтового рассыльного. Увидев открывающуюся дверь, он затараторил, словно боялся не выполнить поручение:

– У меня послание для мисс Офелии от мистера Холмса, – выпалив это, сорванец протянул ей сложенную в несколько раз записку. Буркнув слова благодарности, Офелия взяла записку и, захлопнув дверь, принялась за чтение:

«Уважаемая мисс Офелия! Сегодня совершенно еще одно убийство. Убит виконт Альберт Гартнер. Провёл восемнадцать дуэлей со смертельным финалом. Выпотрошен, как и предыдущие.

Искренне ваши, Ш.Х.»

Она знала, где жила эта семейка. Герои всех последних колониальных войн, отличавшихся особой жестокостью по отношению к побеждённым туземцам, Гартнеры сколотили огромное состояние, вывозя драгоценные камни из почти обезлюдевшей Хиндии. Пока Офелия собралась, проявив ту же тщательность, что и при сборах в дальнее путешествие, прошла пара часов. И она приехала на Соррингтон-плэйс к полудню. У дома собралась толпа праздных зевак и журналистов всех мастей. Все жаждали подробностей. Констебли сдерживали любопытных, но делали сегодня это как-то нервно. Наконец из дома показались коронеры, несшие мешок из плотной чёрной ткани, в котором угадывались очертания человеческого тела. Весьма условного. На миг на крыльце появился сам сэр Джордж Гартнер. Полковник “Стальной клык”, как прозвали его солдаты в Хиндии. Личность весьма популярная в определённых кругах, как рассказал ей позже Шерлок Холмс. Но сейчас внимание Офелии было приковано к мешку с телом. Случайно её взгляд скользнул по толпе зевак. Всё как обычно. Волнующаяся река человеческих лиц, кажущимися одинаковыми из-за общего выражения ненасытного интереса, сменяющегося брезгливостью, стоит им увидеть предмет своего вожеления. В основном это были лица взрослых – заносчивые, отстранённые, отмеченные чувством собственного превосходства, никак не связанных с остальными зрителями, но составляющих с ними одно целое. Но были и детские, на которых всё происходящее отражалось искренне.

Пройдясь по ним взглядом, Офелия краем глаза заметила лицо, не вписывающееся в общую картину. Но едва она сосредоточилась на этом факте, как черты его неуловимо приобрели то же выражение всеобщего нездорового интереса. Не придавая значения увиденному (мало ли блаженных в Лондиниуме), Офелия покинула Соррингтон-плэйс в печали. Дома её ждала еще одна записка, отмеченная инициалами Ш.Х.

«Дорогая Офелия! В доме Гартнеров снова не найдено следов убийцы. Слуги никого не видели. Вечером виконт был жив и здоров. Теряюсь в догадках. Меня вызывает М.Х.»

Отсутствие следов могло говорить лишь об одном – убийца передвигается по воздуху и вооружён парой кривых кинжалов. Памятуя о недавнем событии с ракшасом, она против воли обратилась к сверхъестественному кругу возможных причин происходящего. Убиты были только конкретные люди. Их близкие или слуги, бывшие всегда неподалёку от своих господ, не пострадали. Тот же ракшас, скорее всего, устроил бы кровавую бойню, а этот убийца ретировался, оставшись незамеченным. Что-то подсказывало Офелии, что она на верном пути. Людям подобное не под силу. Придя к окончательному выводу, она опустилась в кресло с толстым фолиантом, который хранился в её доме уже многие годы, покрываясь толстым слоем ненужности и забвения. «Бестиарий опасных для людей существ» походил на сказки братьев Grimm в их исконном толковании, а не той детской интерпретации, что продают у букинистов. Мягко ступая в комнату, где она устроилась, вошёл Ангел – чёрный кот неизвестной породы, больше похожий на фамильяра какой-нибудь средневековой ведьмы. Сверкнув глазами в свете камина, он по-хозяйски обошёл комнату и только после этого нагло пристроился на коленях хозяйки, столь же дерзко требуя ласки.

Рассмеявшись, Офелия погладила кота, чувствуя, как отступает подавленное настроение. Внезапно проснулся аппетит, желудок напомнил о себе, недвусмысленно заурчав. Ничего не поделаешь, пришлось вставать и идти на кухню. В леднике лежало мясо, кусок которого был отрезан для кота, себе она соорудила целую гору сэндвичей с сыром и, жонглируя тарелкой и бокалом вина, вернулась в комнату. За чтением прошёл остаток дня, и к ночи у неё перед глазами водили хороводы всевозможные существа, злые и не очень.

Следующий день начался на удивление спокойно. А принесённая разносчиком газета не расстроила новым убийством. Тем не менее, она собралась посетить место смерти одного из дуэлянтов. Полагая, что прикрываясь именем Шерлока Холмса, сможет проникнуть внутрь.

Неожиданно Ангел, который никогда не проявлял желания сопровождать её на улицу, мявкнул и закрутился вокруг её ног, обутой в высокие ботинки. Намерения его были прозрачны – следом за хозяйкой отправиться в город. Если бы он был простой кошкой, Офелия просто оставила бы его дома, но Ангел был необычным котом, поэтому, вздохнув, она достала из кладовки корзинку, в которой наглый котище тут же удобно устроился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.